

Вечная
ПЕЧЕВСКАЯ

Незабудки для
БЫВШЕГО

НАСТОЯЩАЯ СЕМЬЯ

Вероника Лесневская

Незабудки для бывшего.

Настоящая семья

<https://litres.ru/74547659>

Аннотация

- Дома нас ждет малыш, так что мы не задержим вас надолго. Нас интересует классическая свадьба, - щебечет счастливая невеста, а я не свожу глаз с ее хмурого спутника. - У вас есть ребенок? – срывается с губ, хотя меня не должна интересовать личная жизнь клиентов. Но что если в роли чужого жениха - мужчина, которого я до сих пор люблю? Семь лет назад он бросил меня беременной, сказал, что уходит в море, и не вернулся. На самом деле, у него все это время была другая женщина. - Да, сын, - невозмутимо произносит Михаил. Сердце сжимается, чтобы разлететься на миллион осколков. Он всегда мечтал о сыне, а я родила ему дочек – двух близняшек, которые прямо сейчас находятся за этой дверью, в моем кабинете. Я слышу их приглушенный смех, и Миша тоже поворачивается на звук. - Извините, - поднимаюсь с места, едва держась на ногах. – Я не могу... взяться за ваш заказ. Найдите себе другого свадебного организатора. Я ждала его семь лет, а он вернулся, чтобы жениться на другой. И даже не вспомнил меня.

Романтика! ХЭ. Можно читать отдельно.

✎ Читайте предысторию (семь лет назад) - "Настоящий папа в подарок"

✎ История Германа (брата Миши) - "Неверный отец. Счастье в конверте"

✎ История Ники (сестры) и Данилы (друга) - "Верни нас, папа! Украденная семья"

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	45
Глава 6	53
Глава 7	64
Глава 8	72
Глава 9	77
Глава 10	85
Глава 11	96
Глава 12	103
Глава 13	111
Глава 14	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Глава 1

Анастасия

- Мамуль, купи нам папу! Капитана! – неожиданно командует Ариша, моя старшая дочка, и запрыгивает на стул, чтобы обратить на себя внимание. Топчется босоножками по велюровой ткани цвета слоновой кости, оставляет следы.

- Слезь, родная, - спокойно прошу ее, не отрываясь от планшета. Работаю на автопилоте, абстрагируясь от непрекращающегося детского лепета. Стилус порхает по экрану, словно живет отдельно от меня, а из горла по привычке льются назидательные слова: - Если кто-нибудь из гостей сядет на грязный стул, то испачкается и будет недоволен. В салоне все должно быть безупречно, чтобы ваша мама не теряла заказы.

Сроки горят, а я в сотый раз переделываю эскиз свадебного декора. Мне попались требовательные молодожены – невеста буквально каждый день меняет свои предпочтения и цветовую гамму, а жених, молодой мажор, хамит по телефону и сорит отцовскими деньгами при встрече. На третьем забракованном проекте мне остро хотелось прекратить сотрудничество с ними, но стиснув зубы я продолжила.

Я не могу себе позволить отказаться от дохода. Тем более, идет високосный год – из-за суеверий свадеб катастрофически мало. Организаторы буквально дерутся за клиентов, а мне они, как говорят конкуренты, будто с неба падают. Вот

только за такой «удачей» стоят бессонные ночи, расшатанные нервы и сорванное здоровье.

Все ради моих Незабудок – голубоглазых близняшек, которых надо растить и обеспечивать. Порой я чувствую себя роботом, станком для печати денег, а не счастливой матерью...

Но об этом я тоже подумаю как-нибудь потом – сейчас нет времени.

- Ты так много работаешь, мамочка, - участливо вздыхает Поля, моя младшенькая, и ласково поглаживает меня по напряженной руке. – Заработала столько денег... Нам уже должно хватить на папу. Давай купим? Может, тогда у тебя появится больше свободного времени для нас?

Стикус выпадает из ослабевших пальцев, самовольно рисует закорючку на свадебной арке в стиле бохо и слетает на пол. Я откладываю планшет в сторону, понимая, что наивная детская болтовня вдруг обрела глубокий смысл.

- Стоп! Девочки, что за разговоры? – серьезно обращаюсь к ним, жестом подзывая к себе обеих. – В детском саду на утренник опять приглашают отцов? Я могу попросить Валу...

- Ты сама говорила, что он не наш папа, - перебивает меня Ариша, соскакивая со стула. Важно идет ко мне, по-армейски чеканя шаг. Порой мне кажется, что она должна была родиться мальчишкой. А еще... ее тяжелый характер до боли напоминает отцовский. – Ты говорила, что наш в море!

Да, говорила... Я не хотела лгать девочкам. Вместо сказок перед сном рассказывала им о папе – капитане дальнего плавания.

Смешно и банально? В нашем случае это чистая правда...

Их родной отец Михаил Демин - офицер военно-морского флота. По крайней мере, так он представился семь лет назад, когда мы познакомились. Он полностью соответствовал своему званию. Вежливый, обходительный, заботливый, сильный и смелый. Положительный со всех сторон мужчина, кроме одной темной грани... Пока он строил со мной отношения, у него была другая женщина, которая терпела его любовниц, ведь после каждой он неизменно приезжал домой. В свою настоящую семью. Я не стала исключением.

«Знаешь, сколько у него таких, как ты, было? Я сбилась со счета. Но каждый раз, нагулявшись, он возвращается ко мне. Имей совесть, не звони сюда больше. И забудь о нем».

Миша оставил меня беременную, сказал, что уходит в море, и не вернулся. Наверное, это самая долгая командировка в истории флота – длиной в семь лет. И ценой в три разбитых сердца.

- Дядя Валя - ненастоящий папа, - вторит сестре Поля, нежная, стеснительная принцесса, но в этот момент она находит в себе стержень, чтобы поспорить со мной. – Мы хотим настоящего. Капитана, - неловко отдает честь. – Если наш так и не вернется...

- Мы найдем похожего, - заканчивает фразу командирша,

вгоняя меня в ступор.

Они умолкают одновременно, как по приказу, устремляют на меня небесно-голубые умоляющие глазки. Сердце рвется на части, и я прикладываю ладонь к горлу, которое будто сковало колючей проволокой.

Какие же у меня взрослые дочери! Шестилетки, осенью пойдут в первый класс, а умные не по годам. Очаровательные, жизнерадостные, милые... Интересно, если бы настоящий папа увидел их спустя столько лет, у него бы екнуло в груди? Проснулись бы отцовские чувства? Пожалел бы он о том, что когда-то выбрал не нас?..

Мысленно даю себе пощечину. Хватит! Почти семь лет – серьезный срок, чтобы попрощаться с надеждами и мечтами. Если бы он хотел, то давно нашел бы нас. Но нет... У него даже желания не возникло посмотреть, как живут его доченьки. Прикоснуться к ним, обнять, поцеловать.

Я ведь ждала его до последнего, отбросив гордость. Несмотря ни на что...

- Нельзя! Людей не продают и не покупают, - отрезаю строго, украдкой смахнув слезы со щек. – Тема закрыта. Маме надо работать.

- Ну, во-от, - разочарованно топает ногой Поля, хлопает светлыми ресничками, поджигает дрожащие губы. Вот-вот расплачется.

- Ты нас не любишь, - пробует на мне навыки манипуляции Ариша.

Поднимаю стилус, задумчиво кручу его в руках, но к планшету так и не притрагиваюсь. В одном дочки правы – я совсем не уделяю им внимания. Даже сейчас, когда в их невинных детских душах что-то надламывается, я собираюсь вернуться к чертовому заказу!

Что я за мать?

- Незабудки мои, - беру их за руки, притягиваю к себе и порывисто обнимаю. - Что-то случилось вчера в детском саду? Вас кто-то обидел? Обозвал? Вы поэтому сегодня притворились больными и попросились со мной на работу? – допытываюсь, целуя обеих в макушки и ласково поглаживая по шелковым пшеничным волосам. - Я поговорю с воспитательницей, и...

- Бе-е, она противная, - бесцеремонно выдает Ариша, не выбирая выражений.

- И с дядей Валею обнималась, - брезгливо передергивает плечиками Поля.

- Хм, что?

В замкнутом пространстве становится душно. Повисает тишина, которую разрывает цокот каблучков по паркету. Вместе с девочками поворачиваемся в сторону входа.

- Анастасия Николаевна!

Дверь в кабинет распахивается без стука, а на пороге появляется моя помощница и хорошая подруга Татьяна.

- К вам посетители, - важно сообщает она, а после добавляет заговорщическим шепотом: - VIP-клиенты.

- Танечка, я же предупреждала, что сегодня меня ни для кого нет, - отрицательно качаю головой, отправляя дочек на диван, а сама возвращаюсь к планшету. – На мне «горящий» заказ и две хулиганки, которые разнесут кабинет, если я отлучусь. Будь добра, запиши молодоженов сама, предварительно прими заказ, а детали мы с ними обсудим в другой день.

- Я пыталась, Анастасия Николаевна, но они хотят общаться лично с вами, - виновато тянет она. - Невеста – врач, жених – какой-то бизнесмен. Они недавно обосновались в Питере, решили узаконить отношения. Вас им посоветовали как лучшего свадебного организатора, - переходит на сиплый шепот, многозначительно стреляет глазами и обращается ко мне на «ты»: - Люди при деньгах, Настя, влиятельные. Таким нельзя отказывать... Обидятся, а это чревато последствиями.

Тяжело вздыхаю... Подруга права. Проблем у меня и так хватает, а деньги нужны всегда.

- Посиди с девочками, пожалуйста. Только смотри за ними в оба, чтобы не выбежали и сорвали встречу, как в тот раз, - пригрозив близняшкам пальцем, я хватаю органайзер и поднимаюсь из-за стола.

Дочки сидят смирно с застывшими улыбками на личиках, изображают из себя ангелочков и провожают меня хитрыми взглядами. Я могу лишь догадываться, что они здесь устроят, как только за мной закроется дверь.

По пути ловлю свое отражение в зеркале. Остаюсь недовольна серыми мешками под грустными глазами, разбитым видом и смятой блузкой. Напоминаю себе, что я не невеста, а всего лишь организатор, но все-таки накидываю пиджак и меняю удобные лодочки на элегантные каблуки. Я должна соответствовать статусу хозяйки.

- Я рада приветствовать вас в свадебном агентстве «Незабудки». Меня зовут Анастасия, и я...

Осекаюсь на полуслове, прижав руку с органайзером к разрывающейся груди.

Дыхание перехватывает, кислород сгорает в легких, в ушах стучит кровь.

Тахикардия не вовремя дает о себе знать. Я бы списала этот приступ на стресс и бессонницу, но... взгляд упирается в широкую спину мужчины, сгорбившегося возле выставочных стеллажей. На одной из полок, между подвязками и букетами-дублерами, стоит горшок с живыми, распустившимися незабудками.

Я не вижу, но чувствую, что он смотрит именно на них.
«Зацветут весной. Будут тебя радовать, когда меня нет рядом», - проносится в сознании призрак прошлого, но я лихорадочно отгоняю его.

Не может быть! Мне показалось.

Просто показалось.

«— Прощаешься?

– Наоборот. Не хочу отпускать».

Лжец! Прочь из моего сердца – оно больше не справляется с болью!

- Я Аля, - преграждает мне обзор рыжеволосая девушка с лучезарной улыбкой.

Аля... Невеста... Его будущая жена...

Она говорит что-то еще, а я машинально киваю, не воспринимая ни единого слова. В голове – шум моря и плеск волн. Как зачарованная, я продолжаю украдкой изучать мужчину у стеллажей. Он будто чувствует на себе мой взгляд и оборачивается за секунду до того, как невеста позовет его по имени.

- Миша, можешь подойти?

Миша - гремит в ушах, как выстрел, и на мгновение оглушает. Меня будто контузило.

Знакомый поворот головы, армейская выправка, отточенные движения, уверенный шаг... Суровый взгляд темно-синих глаз устремляется четко на меня. Хмурится, становится стеклянным и тут же разбивается на тысячи осколков, словно он пытается очнуться или прогнать галлюцинацию.

Наш зрительный контакт давит, гнетет, выворачивает наизнанку. Но только меня... Нечто неуловимое мелькает на дне его зрачков – и сразу гаснет.

Это он! Михаил Демин!

Отец моих детей, которого я подсознательно ждала долгие семь лет.

Миша вернулся... Чтобы жениться на другой...

- Здравствуйте, Анастасия, приятно познакомиться, - с ледяной вежливостью произносит он, подойдя ближе.

Никогда еще мое имя не звучало так безразлично и сухо в его устах. Когда-то он ласково называл меня Настенькой, а сейчас равнодушно смотрит сквозь меня, словно я чужая.

Этот холод выжигает во мне последние ростки надежды. Внутри меня – ядерная зима.

Я ждала его, а он меня даже не вспомнил.

листаем далее >>>

Глава 2

- Миш... - слетает с губ по привычке, но я тут же осекаюсь. Проглатываю ласковое «Мишенька», делаю рваный вдох. Внутри все трескается, болит, кровоточит.

Он хмурится, и мне дико хочется разгладить пальцами эту складку на высоком лбу. Обнять его, растопить лед, смягчить каменную глыбу. Как раньше, когда мы были вместе... Суровый Медведь, офицер, командир, только со мной наедине он улыбался, широко и искренне, как мальчишка... Но все это в далеком прошлом.

Миша изменился. Постарел, будто не семь лет прошло, а целая жизнь. Взгляд потускнел, как зимнее море в пасмурную погоду, на висках слишком рано для его возраста появилась седина, вокруг глаз залегли морщины, особенно заметные, когда он прищуривается, как сейчас, рассматривая меня.

В остальном – это все тот же Мишенька. Мой...

Нет! Чужой он! И никогда не был моим.

В следующий момент возникает жгучее желание ударить его. Отвесить хлесткую пощечину, а потом хаотично бить кулаками по этому бездушному куску камня за то, что он предал нас.

Отказался. Бросил. И забыл.

– Взаимно, Михаил, - выталкиваю из груди на выдохе. –

Вы, как я понимаю, жених?

Демин косится на свою спутницу, которая тут же прилипает к нему, повиснув на локте. Помедлив, он все-таки кивает, совершая контрольный выстрел мне в голову. При этом неотрывно смотрит мне в глаза с жестокостью хладнокровного убийцы.

Отворачиваюсь от него, беспощадно разорвав наш мучительный зрительный контакт. Быстро, как пластырь с кожи. С мясом. Ощущаю при этом почти физическую боль, словно это меня рвут в лохмотья.

- Мы вас не задержим. Войдите в наше положение, свадьба через две недели, времени на организацию совсем мало, а вы, как я слышала, все делаете быстро и под ключ, - суетится невеста, обнимая застывшего мужчину.

Счастливая... Я была такой же семь лет назад, когда Миша сделал мне предложение. Мы должны были пожениться, но его вызвали на службу за день до того, как мы планировали подать заявление в ЗАГС. Он казался таким убедительным, добивался меня, настаивал на официальном браке ради наших будущих детей, а когда я наконец согласилась... просто исчез.

Спустя годы мне кажется, что все это было частью жестокой игры.

- Альбина, пожалуйста, - хмуро перебивает невесту Михаил, и она послушно затыкается. Как по приказу, убирает от него руки, увеличивает дистанцию, и мне на секунду ста-

новится легче дышать.

Альбина... Я хорошо помню это имя. Самое приоритетное в списке контактов Мишиного телефона. На ее звонки он никогда не отвечал при мне.

«— Вдруг что-то важное?

— Это по службе, перезвоню сам, когда время будет».

Позже, когда Демин уехал, она подняла трубку и представилась его женой, судя по всему, сильно опережая события. Ведь до ЗАГСа они добрались только сейчас. Но это не отменяет того факта, что Альбина всегда присутствовала в жизни Миши. И была его женщиной. Постоянной и любимой, в отличие от меня. Тихая гавань, куда он всегда возвращался.

Жестом я приглашаю их присесть на диван. Говорить нет больше сил, в горле ком. Душу вынули из груди, растоптали. Сейчас я не могу мыслить здраво - я просто пытаюсь выжить и сделать это достойно. Как зомби, бреду к креслу, стараясь не смотреть на молодоженов.

- У нас есть несколько пакетов в зависимости от бюджета свадьбы, времени и предпочтений, - отчеканив дежурную фразу, я наклоняюсь к столику за прайс-листами.

Боковым зрением ловлю взгляд Миши, которым он продолжает буравить меня, чувствую его близость, невольно вдыхаю особый, родной мужской запах – и все начинает плыть перед глазами. Комната кружится, пол уходит из-под ног. Я упираюсь руками в стеклянную поверхность стола,

чтобы не упасть. Опустив влажные ресницы, шумно перевожу дыхание.

- Вам плохо? – шелестит совсем рядом.

Распахиваю глаза за секунду до того, как Миша коснется моей руки. Его пальцы застывают в сантиметре от моих, почти дотрагиваются, посылают импульсы тока. Я успела забыть эти сладкие ощущения, когда ласкает любимый мужчина, зато помню горечь, что следует за ними, как послевкусие.

Встречаюсь с его обеспокоенным взглядом, отдергиваю обе ладони, сжимая их в кулаки до хруста костяшек, и сажусь в кресло.

- Душно, - сипло бросаю, пытаюсь прийти в себя.

Миша поднимается с места, подходит к окну и открывает его настежь, впуская в помещение свежий весенний воздух, пропитанный ароматами зелени и цветов. Вдыхаю его полной грудью и с трудом сдерживаю слезы.

Вся ситуация такая живая, теплая и настоящая, будто мы с Мишей не расставались. Не было предательства и семи лет разлуки. Он по-прежнему заботится обо мне, опекает, переживает за меня...

- Может, водички? – подает голос Альбина, напоминая о себе, и протягивает мне бутылку минералки со стола.

Я отшатываюсь от нее, будто она мне яд предлагает. Замечаю тень недовольства и настороженности на миловидном лице. Невеста увидела во мне потенциальную соперницу? Знала бы она, как близка к истине, бежала бы из моего сва-

дебного салона без оглядки.

Альбина медленно и пристально изучает меня, словно препарирует без скальпеля, останавливается на обручальном кольце на безымянном пальце. Выдыхает и заметно расслабляется.

- Все в порядке, - говорю как можно убедительнее. – Однако у меня действительно мало времени, и я назначила бы вам другую дату...

Телефон на столе вибрирует, дисплей загорается, когда приходит сообщение от клиентов. На заставке – фотография моих малышей. Блокирую прежде, чем Миша их увидит, и накрываю экран ладонью.

Я прячу детей от родного отца, но мне не стыдно. Он сам сделал свой выбор семь лет назад.

Миша заторможено изучает потухший экран, переводит взгляд на мою правую руку. Никогда еще обручальное кольцо так не прожигало палец. Меня словно заклеямили каленым железом – хочется снять и выбросить его, но я стискиваю кулак.

Пусть смотрит. Я тоже чужая теперь...

Заметно поникнув, Демин откидывается на спинку дивана, поворачивает голову в сторону открытого окна. Судя по мрачному выражению его лица, он не собирается участвовать в обсуждении собственной свадьбы. Зато Альбина свой шанс упустить никак не может, поэтому пользуется моментом и забирает инициативу.

- Дома нас ждет малыш, так что мы тоже торопимся и не задержим вас надолго. Нас интересует классическая свадьба, - щебечет счастливая невеста, а я не свожу глаз с ее хмурого спутника.

- У вас есть ребенок? – срывается с губ, хотя меня не должно интересовать личная жизнь клиентов. Но что если в роли чужого жениха - мужчина, которого я любила больше жизни?

- Да, сын, - невозмутимо произносит Михаил, не глядя на меня. Может, это и к лучшему, иначе он бы заметил, как мне больно.

Сердце сжимается, чтобы разлететься на миллион осколков.

Он всегда мечтал о сыне, а я родила ему дочек – двух озорных близняшек, которые прямо сейчас находятся за этой дверью, в моем кабинете. Я слышу их приглушенный смех, и Миша тоже поворачивается на звук.

- Из-звините, - поднимаюсь с места, едва держась на ногах. – Я не могу... взяться за ваш заказ. Найдите себе другого свадебного организатора.

Миша встает следом, скалой нависает надо мной. Я и забыла, какой он высокий, большой, надежный. Один из тех редких мужчин, за которым женщина как за каменной стеной. Во всех смыслах. Не зря Альбина вцепилась в него, как пиявка, и держится из последних сил, несмотря на все измены. Прощает и принимает домой...

Интересно, а я бы смогла простить? На протяжении всех

этих лет я была уверена, что да. Слишком слабая и слишком люблю.

Но сейчас... Внутри все рухнуло – реставрации не подлежит. Чувства идут под снос, и вряд ли что-то можно выстроить вновь на выжженной земле.

- Анастасия? – летит как пощечина, и я на мгновение зашмуриваюсь, пытаюсь прогнать этот страшный сон, но он не исчезает. - Мы обидели вас чем-то?

Предательство считается?

Миша терпеливо ждет ответа. Синие глаза прищурены, лоб нахмурен, взгляд виноватый и мягкий. От него веет теплом и заботой, как раньше. Между нами не больше метра. Один шаг – и я в его объятиях. Но в то же время нас разделяет глубокая пропасть.

Слышу тихое покашливание Альбины, чувствую, как она прожигает нас взглядом, воспроизвожу в памяти ее грубую фразу: «Одна из любовниц? А я жена».

Через две недели – законная, а не гражданская.

А я по-прежнему никто.

Глава 3

Голоса дочек в кабинете становятся громче, сопровождаются гулким топотом и возмущенными вскриками: «Отдай!». Опять они что-то не поделили, а Татьяна не справляется с двумя тайфунами. Я ее не осуждаю – сама порой схожу с ума с ними.

Неуверенный лепет помощницы тонет в детских перепалках. Что-то падает и разбивается.

- Ты... салага! – неожиданно ругается Ариша.

Где только она этого нахваталась! Валя научил? Или передалось по крови от родного отца, который прямо сейчас настороженно слушает ссору своих дочек...

- Сама такая! – визжит Поля.

Миша едва уловимо вздрагивает, врезается взглядом в дверь, за которой разворачивается эпичная битва близняшек, и принимает стойку, будто мысленно вскрывает ее монтировкой и хочет заглянуть внутрь. Пока в кабинете происходит настоящий Армагеддон, в нашем зале воцаряется полная тишина, в которой отчетливо слышится тяжелое, сбивчивое дыхание Демина.

Все-таки екнуло? Ты ведь сам отказался от них...

- У меня очень плотный график. Я не успею организовать все за две недели, - лгу как можно убедительней.

- Цена вопроса? – по-хамски бросает Альбина, устав быть

милой.

Миша жестом осекает ее, что-то тихо говорит, но мне уже все равно. Я молча разворачиваюсь и ухожу с высоко поднятой головой, чтобы слезы не текли по щекам. Позже я поплачу навзрыд. Ночью в подушку, когда дочки будут спать.

- Анастасия, подождите... Настя...

Мурашки по коже от его низкого, глухого баритона. Не оглядываюсь. Скрываюсь в кабинете прежде, чем дойдет до ласкового «Настенька».

Прислонившись спиной к двери, я прикрываю глаза и часто, лихорадочно дышу.

- Что случилось? – подлетает ко мне Татьяна. - Ты такая бледная.

- Мамочку обидели! – испуганно пищит Поля и, бросив все дела, обнимает меня за талию.

- Мы их сейчас побьем, - пыхтит Ариша, прижимаясь ко мне сбоку, и пытается протиснуться к двери.

- Спокойно, Незабудки, - размеренно произношу, а в груди колет. - У мамы просто голова разболелась.

- Бе-едная мама! – нараспев тянут они.

Это так мило, что я невольно улыбаюсь, отпуская боль. Надеюсь, Миша нас не подслушивает. Неловкая ситуация. Впрочем, ему должно быть все равно.

- Танюш, проводи клиентов, пожалуйста, - успокоившись, вежливо прошу помощницу. - Мы не будем с ними работать.

- Что? Почему? – тараторит она и панически хватается ртом

воздух. - Настя, ты что наделала? Они же...

- Татьяна, ты забываешься! – перебиваю ее стальным тоном. - Это приказ, а приказы не обсуждаются. Попрощайся с молодоженами и дай им контакты других агентств.

- Как скажете, Анастасия Николаевна, - поджимает губы она. Обиделась. - Значит, отдадим вашего жениха конкурентам.

Звучит двусмысленно...

Я уже отдала его. Без боя.

В солнечном сплетении разливается жгучая горечь. Рваными волнами накатывает предчувствие, что я поступаю неправильно. Словно упускаю что-то важное.

За помощницей закрывается дверь, а я успеваю украдкой заглянуть в щель и поймать взглядом знакомый мужской силуэт. Закрываю глаза. Упираюсь лбом в холодную стену, слышу приглушенный голос некогда родного человека. Слезы стекают по щекам.

- Мамочка? – тихонько шелестит позади.

Дети молниеносно приводят меня в чувство. Смахнув предательскую соль с губ, я поворачиваюсь к ним как ни в чем не бывало. Словно это не у меня в груди зияет дыра.

- Так, девочки, что вы натворили? – строго отчитываю затаившихся крошек, упирая руки в бока. - Почему тетю Таню не слушались? Я больше не смогу брать вас на работу. Завтра пойдете в сад.

- С дядь Валея? – обреченно тянет Поля.

- К воспиталке? – кривится Ариша и закатывает глаза.
- Бе-е, - хором.
- Это не обсуждается, - произношу тихо, но убедительно.
- А сейчас бегом убирать!

Окидываю взглядом бардак в кабинете, цепляюсь за разбитую рамку на полу. На фотографии под стеклом – мы с девочками. Трещина на уровне моей груди, будто нож мне в сердце воткнули, и паутинкой расползается вокруг, перекрывая наши лица.

- Хулиганки, - тяжело вздыхаю.

Аккуратно убираю осколки, но все-таки умудряюсь поранить руку. Боли не чувствую. Достая фотографию, а рамку выбрасываю в урну для бумаг. Провожу пальцами по детским улыбкам, прижимаю к себе снимок и отхожу к окну.

На парковке во внутреннем дворике – иссиня-черный автомобиль. Догадываюсь, кому он принадлежит прежде, чем появится сам хозяин.

Звук снятия сигнализации отчетливо слышен через стеклопакеты, машина мигает фарами, а вместе с ней заходится в волнительном предвкушении мое сердце.

Хочу увидеть его в последний раз.

Миша неторопливо подходит к пассажирской двери, галантно открывает ее перед зардевшейся Альбиной. В какой-то момент оборачивается – и мы встречаемся взглядами.

Не знаю, успел он рассмотреть меня в темном окне или просто почувствовал мое присутствие, но импульсивно за-

крываю жалюзи и делаю шаг назад. Во дворе раздается шум двигателя, рев мотора – и машина срывается с места, скрипнув шинами по асфальту.

Вот и все... Прощай и будь счастлив с ней.

- Зайки мои! – бодро обращаюсь к провинившимся дочкам. – Заканчиваем уборку и идем обедать. Помните детское кафе, которое открылось в конце улицы? Мы не раз проезжали мимо и вы просили отвести вас туда, а я постоянно была занята, - закусываю губу, снова чувствуя себя отвратительной матерью. Я должна была заменить им двоих родителей, а на деле даже свои обязанности не исполняю. – Думаю, настало время нам немного отдохнуть и развеяться. Мы это заслужили.

Иначе я сойду с ума в помещении, которое пахнет им и хранит его следы.

- Ур-ра-а! – восклицает Поля, на эмоциях роняя бумаги, и тут же принимается их снова собирать. Поджимает губы и пытит от усердия. Моя хозяйюшка.

- Ты же работаешь, - недоверчиво прищуривается Ариша. Боже, до чего же отца напоминает. Не внешне, а повадками и несвойственной ребенку бдительностью. Она все держит под контролем.

- От работыдохнут кони, - подмигиваю с улыбкой.

- Наша мама – бессмертный пони, - заливисто смеются близняшки, повторяя слова Татьяны, которыми она в шутку поддевает меня.

- Я все сделала, как вы сказали, Анастасия Николаевна, - доносится со стороны двери, когда растерянная помощница заходит в кабинет. – Жених просил передать вам искренние извинения за доставленные неудобства, - непонимающе пожимает плечами.

Миша... Ни капли не изменился – такой же вежливый, интеллигентный и обходительный. Настоящий мужчина. Жаль, не мой. Я одолжила его на время, но благодарна и за это. В конце концов, он подарил мне замечательных, смысленных дочек. Пусть ему они оказались не нужны, но для меня стали смыслом жизни.

- Спасибо, Тань, до конца дня остаешься за главную, - ставлю перед фактом, замечая, как ее лицо вытягивается в удивлении. Загадочно улыбнувшись в ответ, я забираю детей и вызываю такси.

За три года, что существует наше агентство, я ни одного отгула не взяла, не говоря уж об отпуске, а наоборот, засиживалась допоздна и работала сверхурочно, добивая заказы.

Моя жизнь превратилась в гонку.

Через год после рождения дочек я восстановилась в институте, как советовал Миша, когда мы были вместе.

«Тебе надо доучиться. Нельзя бросать мечту».

Так я и поступила... Училась заочно и неофициально подрабатывала в свадебных салонах. От девочки на подхвате выросла до хозяйки собственного агентства, которое открыла на деньги, оставленные нам Мишей перед тем, как бросить.

Я упрямо не хотела брать ни копейки со счета, но мама уговорила. Сказала воспринимать это как алименты. Детского пособия ни на что не хватало, мать не работала по состоянию здоровья, Валя получал в службе охраны немного, да и не обязан был обеспечивать чужих детей. Будущее представлялось туманным.

Наступив на горло собственной гордости, я послушалась. И не пожалела.

Теперь я не боюсь, что моим дочкам будет нечего есть или надеть в детсад. Я уверена в завтрашнем дне, и за это, наверное, тоже стоит поблагодарить Мишу. Все время он будто незримо находился рядом с нами и заботился о детях, хоть и не желал этого.

- Мам, можно нам туда? – вырывают меня из размышлений близняшки, указывая на детскую игровую зону.

- Конечно, только обещайте не баловаться и не вопить на все кафе, - грожу им пальцем.

- Так точно! – игриво хихикает Ариша, приложив одну руку к виску, а второй накрыв макушку, имитируя головной убор.

Забавно отдав честь, она забирает Полю и шагает к сухому бассейну с шарами. По пути дает сестре наставления, заставляя ее «держаться строй», судя по чеканной походке, и топает ногой, когда та не слушается.

Командирша и принцесса. Такие разные. Не верится, что родились в один день.

Улыбка трогает губы, но тут же слетает с лица. Так и не притронувшись к остывшему кофе, я запускаю планшет, чтобы внести финальные штрихи в проблемный эскиз. Отправляю его по почте молодоженам. А уже через минут десять раздается телефонный звонок.

- Чо это за фигня? Миле опять не понравилось, - по-хамски летит из динамика. Как плевок.

- Во-первых, добрый день, - сдержанно отвечаю, хотя внутри все бурлит, а в горле застревает ком обиды. – Во-вторых, я учла все пожелания невесты. Стиль бохо...

- Фи-бохо, - огрызается. – Повторяю – нам не нравится! За что мы бабки платим?

Тонкая, хрупкая нить, которая еле держала мои расшатанные нервы, с треском рвется. Я делаю глубокий вдох, чтобы на выдохе холодно, безэмоционально выдать:

- Знаете, я сделала все, что могла. Видимо, я не подхожу вам как свадебный организатор. Мы прекращаем сотрудничество.

- Чего? Прекратим, когда я скажу... У нас свадьба через неделю!

- Сочувствую, - бурчу себе под нос, но громче говорю совсем другое: - Я пришлю вам контакты других агентств, которые смогут экстренно выполнить ваш заказ. Если, конечно, вы не будете мучить их, как меня, и наконец-то определитесь, что вам нужно.

- Бабки верни! – кричит, как гиена.

Я прикрываю динамик рукой, чтобы подошедший официант не слышал мужской истерики, что разворачивается на том конце линии. Шепотом прошу счет. Ищу взглядом девочек в игровой зоне, ободряюще улыбаюсь им, в то время как меня саму трясет от злости и стресса.

- Разумеется, - произношу в трубку все тем же ровным, ледяным тоном. Кажется, жениха-мажора он раздражает еще сильнее. - Можете заехать завтра в салон и забрать внесенную предоплату.

- А еще неустойку! – переходит на ультразвук, а на фоне что-то пищит его невеста. - И моральный ущерб! И...

- Все условия прописаны в договоре, и мы будем действовать в его рамках, - перебиваю его, каждым словом подписывая себе приговор. - Я вызову юриста.

- Угрожаешь? Ты знаешь, кто мой отец?

- Известный бизнесмен, политик, общественный деятель, - перечисляю без энтузиазма.

- Вашей подворотне конец, - выплевывает мажорчик, подтверждая мои худшие опасения. – Готовьтесь к закрытию.

- До завтра.

Он орет что-то еще, а я отключаюсь. Сердце бьется, как с цепи сорвалось. Ком подкатывает к горлу, душит. Отправляю сообщение знакомому юристу, потому что говорить не могу – разрыдаюсь в трубку.

Ужасный день... Кажется, в моей жизни наступает черная полоса.

* * *

Дорогие, добро пожаловать в историю Насти и Миши. Поддержите новинку звездочкой/нравится, комментариями и сохраняйте в библиотеке, чтобы не потерять. У истории есть буктрейлер. Смотреть во вкладке рядом с аннотацией или в моем телеграм-канале.

Предыстория знакомства героев - в книге "Настоящий папа в подарок" <https://litnet.com/shrt/Y5p5>

Мы с вами незнакомы и никогда не пересекались. Но я приехал за своим будущим сыном.

Брутальный мужчина, которого я вижу впервые в жизни, уверенно врывается в квартиру и протягивает мне какие-то документы из клиники.

- Что это? Договор на хранение биоматериала, - бубню себе под нос, бегая глазами по строчкам. – Не знаю, зачем вы мне это показываете. Это не мое.

- Спорное утверждение. Дело в том, что теперь это наше общее, - протяжно выдыхает, слегка ухмыляясь одним уголком губ. - Вы прошли процедуру ЭКО в центре два месяца назад, - не спрашивает, а утверждает.

Я в точности знаю срок своей беременности. Спустя полтора года безуспешных попыток мы с мужем действительно

решились на ЭКО, а тест с первого раза показал две полоски, что бывает редко. Разумеется, подозрительному незнакомцу я ни слова об этом не говорю.

- Вы красивая, - заключает он, осмотрев меня с ног до головы. – Хорошие гены.

- Что вы себе позволяете? Моя беременность вас не касается!

- Касается, Анастасия... - гнетущая пауза. И сдержанная улыбка. - Вы носите моего ребенка. И я намерен позаботиться о нем, хотите вы этого или нет. ЧИТАТЬ >>><https://litnet.com/shrt/Y5p5>

Глава 4

На следующее утро

Анастасия

- Почему вы до сих пор бегаєте по квартире в трусах, маленькие стрекозы? – отчитываю дочек, беспокойно поглядывая на часы. - Марш одеваться!

- Не-ет! – жалобно тянут они в унисон. - Мы не хотим в са-ад!

- Есть такое слово «надо», девочки, - тяжело вздыхаю, обращаясь в том числе и к самой себе. На работу сегодня дико не хочется, до тошноты, потому что в агентстве меня ждет разбор полетов с зарвавшимся мажором. – Если будете слушаться весь день и хорошо себя вести, вечером сходим в Музей кукол. Я давно вам обещала...

- С мамой? – с подозрением уточняет Ариша. Не верит.

Чувствую укол вины, ведь чаще с ними гуляют бабушка или тетя, пока я пропадаю в салоне. Думаю о том, сколько времени я посвящаю работе, забывая о семье, и страшно становится. После встречи с Мишей у меня вдруг произошла переоценка ценностей. Что-то щелкнуло внутри, и я твердо решила, что пришло время становиться нормальной матерью. Надеюсь, еще не поздно...

- Да! – твердо киваю. – Пойдем вместе.

- Ур-р-ра!

Победный клич оглушает, и я невольно зажмуриваюсь. Топот босых детских ног раздается на весь коридор. Бросив пижамы на полу в комнате, Ариша и Поля вприпрыжку мчатся в ванную умываться. С громким лаем следом за ними бежит Рыжик, как нянька.

- Где же блузка, - сокрушенно произношу вслух, перебирая одежду на вешалках.

Холодный мокрый нос тычется мне в бедро. Небрежно отмахиваюсь от него, дергаю ногой.

- Рыжик, фу, не до тебя сейчас. Мы опаздываем.

Пес начинает скулить, и я наконец оборачиваюсь, медленно опускаю взгляд и застываю как вкопанная. В его зубах – моя белоснежная, отутюженная блузка, которую я приготовила с вечера и оставила на спинке стула. Теперь на воротнике – собачьи слюни и две дырки от клыков.

Рыжик послушно садится и виляет хвостом, ожидая похвалы за помощь. Я же готова взвыть от отчаяния.

- Отдай, Рыжик. Место! - обреченно бросаю, забирая из его пасти испорченную одежду.

Бросаю блузку в стирку, а сама накидываю нежно-голубое шифоновое платье. Не люблю носить его на работу – оно слишком воздушное и может показаться легкомысленным, а я стараюсь не привлекать к себе внимание клиентов. В моей практике случались инциденты, когда жених вдруг начал оказывать мне знаки внимания. Чудом удалось избежать скандала, и с тех пор я стараюсь быть осторожнее.

- Настюха, я приехал! – летит из коридора.

Выдыхаю с облегчением.

- Привет, Валь, - с трудом пробиваюсь сквозь грозный собачий лай. – Рыжик, фу! Как с цепи сорвался сегодня!

Закрываю пса на кухне, чтобы успокоился и подумал над своим поведением, а сама возвращаюсь к Вале. Улавливаю резкий запах женских духов и понимаю, почему взбесился Рыжик – почуял чужого.

- Прикинь, на смене задержали. Еле вырвался, - пыхтит Валя, скидывая куртку. – Гнал как сумасшедший, чтобы к вам успеть! Где малые?

- Собираются, - жестом указываю на ванную, за дверью которой звучит детский смех. Стучусь, подгоняя их. - Завтракать будешь?

- Не, я поел, - довольно отмахивается. Выглядит как сытый кот... во всех смыслах.

- Где? На объекте, который ты охраняешь?

- Эм, ну-у, - мнется и отводит глаза. – Ты же собирала мне перекус на ночь, хозяйюшка. Аппетита не было – я на утро оставил. Не парься, Настюха, все нормально. Давай я девок одену быстренько и отвезу в сад.

- Привет, дядь Валь, мы сами, - бурчит Поля, прошмыгнув мимо. Ариша лишь простреливает его фирменным стальным взглядом и молча идет в детскую.

- Привет, - улыбается им вслед Валя, а потом хмурится недоуменно. – Чего это они? Не с той ноги встали?

- Не понравилось, что ты их воспитательницу зажимал, - выпаливаю прямо.

- Да ну-у, делать мне больше нечего! – активно машет руками. – Глупости. Они выдумывают.

- Постарайся впредь не давать им пищу для бурной фантазии, - цежу строго, но тут же смягчаюсь. – Ладно, Валь, спасибо тебе за помощь, - приобнимаю его, но тут же отстраняюсь, чихнув от чужого запаха. – Одежду в стирку не забудь бросить, женской шанелькой воняешь.

- Да это жена начальника нас травит, - смеется громко.

Галантно помогает мне надеть плащ, собирается чмокнуть в щеку, но я уклоняюсь. Спohватившись, беру обручальное кольцо с тумбы у зеркала, натягиваю на палец и хватаю сумку с планшетом.

- Так, я побежала! Опаздываю, - смотрю на дисплей телефона. – Такси уже ждет под парадной, а вы дуйте в сад, иначе не успеете. Вечером я девочек сама заберу.

- Я могу тоже приехать, погуляем где-нибудь вместе, - неожиданно предлагает он, преграждая мне путь. На мгновение теряюсь.

- У нас своя развлекательная программа, Валь, не переживай. Отдыхай спокойно после смены.

- Спасибо за заботу, Настюха, - без энтузиазма летит мне в спину.

Не оборачиваюсь, потому то спешу. По дороге нервничаю в пробках, тороплю таксиста, то и дело проверяю телефон.

Молюсь, чтобы приехать в агентство раньше мажора с невестой, успеть встретиться с юристом и подготовиться давать отпор.

- Остановите у главного входа, не надо заезжать во двор, - суматошно прошу водителя и, расплатившись, реактивной пулей вылетаю из машины.

Агентство встречает меня приятным ароматом. Замечаю на столике большой букет цветов, который едва вмещается в вазу. Белые хризантемы – символ верности и преданности. Не могу вспомнить, чтобы мы их заказывали. Если не ошибаюсь, сегодня нет никаких торжественных мероприятий.

- Танечка, а у нас кто-то был с утра? – запыхавшись, я захожу в кабинет. – Напомни, что у нас по плану? Для кого хризантемы?

Бросаю плащ на кресло, и меня чуть не сбивает с ног суетливая помощница. Резко останавливается, едва не уронив поднос с кружкой черного кофе.

- Михаил... Янович, - шепотом сообщает, взглядом стреляя куда-то за мою спину.

Захлопываю дверь, оглядываюсь – и замираю, как живая фигура. Оболочка без чувств и мыслей, а лишь с огромной дырой в груди, которую продолжает безжалостно ковырять мужчина из моего прошлого.

Миша поворачивается, как в замедленной съемке, важно отходит от окна, возле которого вчера я провожала его и мысленно прощалась навсегда. Но он вернулся, как страш-

ный сон с наступлением ночи. И теперь надвигается на меня, спрятав руки в карманы джинс.

- Здравствуйте, Анастасия, - обдает холодом, который прокатывается снежной лавиной по спине. - Цветы вам... в знак извинения. Мы можем поговорить?

Кровь вскипает в венах, сердце совершает кульбит в груди и... останавливается, покрываясь ледяной коркой.

Спокойно, Настя, он пришел не за тобой. Абстрагируйся!

Это больше не Миша, а очередной навязчивый клиент с деньгами и связями, который не понимает слова «нет». Он здесь лишь по просьбе своей невесты, которая зациклена на пышной свадьбе. Альбину можно понять: столько лет быть гражданской женой, любить, терпеть и прощать, родить ему сына – и наконец-то добиться цели...

Стать настоящей. Деминой.

Я не успела...

« - Хватит оплакивать меня, Настя, примета плохая.

- Я знаю, прости. Не понимаю, что со мной. Предчувствие какое-то...

- Отставить глупости! Слушаться меня, Анастасия Демина, и исполнять!

- Как ты меня назвал?

- Анастасия Демина, моя жена...»

В ночь перед отъездом Миша признавался мне в любви, целовал, как в последний раз, звал меня родной и клеймил своей фамилией. Он казался таким искренним...

Почему я помню все это? Зачем пронесла свои чувства сквозь годы? И как он мог так легко обо всем забыть?

- Поговорить? О чем? – произношу сипло, захлебываясь накатившими эмоциями.

- Желательно наедине, - чеканит строго, бросая хмурый взгляд на Таню.

Кажется, что это он владелец салона, а не я. Давит авторитетом, при этом не повышая голоса. Его тяжелая, властная аура мгновенно распространяется вокруг. Душит... Миша стал жестче, будто все доброе и светлое из него выкачали, оставив мрак – это чувствуется и... пугает.

Не дожидаясь моего решения, помощница звенит подносом, оставляет кофе на столе – и послушно покидает кабинет. Я бы тоже сбежала, но вместо этого призываю жалкие остатки своих сил, чтобы в случае чего дать предателю достойный отпор.

- Присаживайтесь, но учтите, что у меня мало времени. Я жду клиентов, - выпаливаю, не смотря ему в глаза.

В помещении становится душно, будто сгорел весь кислород. Я дышу не воздухом, а Мишей. И это больно до обморо-

ка. На онемевших ногах огибаю его по широкой траектории, чтобы подойти к окну. Открываю створки настежь. Полной грудью вбираю свежий весенний воздух.

Мы с Мишей познакомились зимой, под Новый год. В наших отношениях так и не наступила весна.

- Настя, вы как? – лезвию по нервам.

Спину обжигает жар его тела. Слишком близко. Боюсь обернуться.

- Прошу вас, присядьте, - повторяю с нажимом.

Не могу сдержать шумного, облегченного вздоха, когда он отходит от меня.

Со стороны я выгляжу неуравновешенной истеричкой. В то время как он – камень. Ни тени эмоций, ни намек на чувства, ни один мускул не дрогнет.

Айсберг, а я... на полной скорости к нему, как «Титаник». Разбиваюсь об лед в его глазах.

- Предупреждаю сразу, Михаил Янович, если вы здесь, чтобы давить на меня...

- Давить? – выгибает бровь. – На вас? – мучительно медленно обводит меня взглядом. – Как можно? Вы же такая хрупкая... Одно неловкое движение – и можно сломать.

- Угрожаете?

Морщится как от пощечины. Двигает к себе стул, а я сажусь за стол напротив.

Миша подозрительно долго молчит, и я замечаю, что его взгляд направлен на нашу с дочками фотографию, что оста-

лась со вчерашнего дня среди бумаг. Уголки сжатых губ слегка дергаются вверх, черты сурового лица становятся мягче, на дне холодных зрачков тлеет слабый костер, разгораясь все сильнее.

За что ты так с нами, Миш? А мы выстояли вопреки всему. Видишь, как мы счастливы без тебя...

Без слов убираю фотографию в выдвижной ящик стола, а он будто просыпается, возвращаясь в реальность. Смотрит на меня исподлобья, подчиняет энергетикой и гипнотизирующим тоном произносит:

- Я всего лишь хочу извиниться, Настя.

- Извиниться? – усмехаюсь нервно. – Сейчас?

«Предателей не прощают, Мишенька», - добавляю мысленно, умирая в нашем душераздирающем зрительном контакте. Становлюсь слабой рядом с ним.

- Да, за свою... невесту, - запинается он, и твердый голос вдруг хрипнет, словно все его естество противится предстоящему браку. – Альбина вчера могла показаться вам слишком резкой и высокомерной, но это не так. Всему виной предсвадебный мандраж. Не принимайте близко к сердцу ее слова и не расстраивайтесь. Я обещаю, у вас не будет из-за нас никаких проблем. Не переживайте. Хотя не буду скрывать, мы действительно хотели, чтобы именно вы организовывали нашу...

- Исключено, - грубо перебиваю его и подрываюсь с места. Он издевается? Приехал, чтобы добить меня? Выпить до-

суха и станцевать на костях свадебный вальс?

Я не позволю ему сломать меня. Снова...

- Настя, мы с вами знакомы? – неожиданно выпаливает Миша и тоже встает, упираясь кулаками в край стола. Надавливая так, что раздается жалобный скрип дерева.

Его вопрос застает меня врасплох и одновременно ранит. Молчу... Заторможено взмахиваю влажными ресницами, облизываю пересохшие губы.

- Что?

Смотрю на некогда любимого мужчину – и не узнаю его. Я уже и сама сомневаюсь, что мы были вместе. Может, и правда обозналась?

- Ваше лицо... кажется мне знакомым, - с прищуром изучает меня Миша, будто считывает каждую реакцию. - Может быть, мы пересекались где-то?

Пересекались...

Я настолько незначительный эпизод в его жизни, что он легко выбросил меня из головы. Впрочем, сколько мы были вместе? Месяц? Два? Мы провели друг с другом одну зиму, самую счастливую в моей жизни, а после... Миша уехал. Как оказалось, навсегда.

Сейчас без зазрения совести спрашивает, знакомы ли мы? Я думала, что умру без него – и только дочки придавали мне сил жить дальше. А он... просто забыл.

Лучше бы никогда не возвращался, чем так...

- Извините, но я организовываю столько свадеб и меро-

приятный, общаюсь с таким несметным количеством людей, что физически не могу запомнить каждого. Все возможно, - отвечаю абстрактно.

От лжи сводит зубы, горечь появляется во рту. С трудом сглатываю колючий ком в горле, стараюсь не расплакаться. Пальцы подрагивают, и Мишин взгляд снова опускается на безымянный. Тухнет.

- Понял, - бесцветно роняет он. – Всего доброго. И еще раз извините.

Он разворачивается, чтобы уйти, а я не выдерживаю. Неведомая сила толкает меня сделать то, за что потом буду ругать себя.

Я останавливаю его.

- Миша...

Мой сиплый шепот растворяется в грохоте отрывающейся двери, суматошных шагах и истеричном мужском вопле:

- Где эта дрянь, которая хочет сорвать нам свадьбу? Признавайся, тебя папины конкуренты подослали?

В кабинет врывается тот самый мажор, который угрожал мне своим влиятельным отцом. Разъяренный, как бык на арене, глаза налиты кровью, ноздри раздуваются. Крутит головой в поисках красной тряпки, видит меня, стучит копытом и порывается вперед, но... так и зависает на месте, будто бьется в невидимую преграду.

Миша лениво выставляет ладонь, что упирается в щуплую грудь парня – и этого достаточно, чтобы тот споткнулся и

закашлялся.

- Прояви уважение к даме, салага. Или придется тебя воспитать, раз папка не смог.

Дыхание перехватывает... Сейчас передо мной – прежний Демин. Офицер. Бесстрашный, решительный, стойкий, равнодушный. Тот, кого я полюбила.

- Ты кто такой? До свидания, дядя, - огрызается клиент, не до конца осознавая, с кем имеет дело. – Я к этой мошеннице, а не к тебе.

Рука на его груди сжимается в кулак, сминает лацкан блейзера, который дороже моей годовой выручки.

- Прекратите, пожалуйста, - растерянno лепечу, но мужчины не обращают на меня внимания, будто я мошка, зудящая над ухом.

- Сейчас объясню популярно.

Миша хватает парня за грудки и без труда приподнимает над полом. Слегка встряхивает, будто хочет выбить из него всю дурь.

- Э-э-э, дядя, ты чего? – растерянno тянет мажор, болтая ногами в воздухе.

Это катастрофа! Вот только драки мне здесь не хватает, чтобы точно агентство закрыли. Если Миша сломает жениху нос перед свадьбой, это уже не удастся замять.

- Отставить, Демин! – рявкаю на эмоциях.

Вздрагивает. Подчиняется. Оглядывается на меня со смесью шока и уважения. Он всегда так реагировал, когда я на-

биралась смелости и командовала. Ему это нравилось.

Снова проклятые воспоминания! Прогоняю их.

Разорвав теплый зрительный контакт с Мишей, я растягиваю губы в неестественной улыбке и приторно мило прошу:

- Будьте так любезны, отпустите моего клиента. Он уяснил урок и больше так не будет. Правда, Максим? – обращаюсь к мажору, как к школьнику.

Парень недоволен и оскорблен, но активно кивает, чтобы не злить Демина. Однако как только его ноги касаются пола, он тут же хватается за телефон и трясущимися пальцами набирает номер отца.

Все-таки скандала не избежать.

Глава 5

- Кто у нас батя, щенок? – гремит Мишин голос на весь кабинет.

Вижу по сжатым кулакам и проступившим венам: он не рад, что послушался меня и отпустил мажора. Одно неловкое движение или грубое слово – и Демин разорвет его на тряпки. Нельзя этого допустить, но если раньше я умела успокаивать разъяренного Медведя лаской, то сейчас у меня не осталось способов повлиять на него.

Я не смею подступить к чужому мужчине, как бы моя душа ни тянулась к нему.

- Антоновский, - важно бросает Максим и победно улыбается, будто туз из рукава достал.

В следующую секунду его главный козырь отвечает на звонок. Не слышу, что говорит, но тон злой и недовольный. Впрочем, чего я ожидала? Антоновский обладает достаточным ресурсом, чтобы стереть мелкую бизнес-леди вроде меня с лица земли. Плевать ему из пентхауса на мои договоры и тщательно прописанные условия – благополучие сына важнее. Если он захочет, то завтра об агентстве «Незабудки» никто даже не вспомнит, словно его никогда не было на карте Питера.

- Трубку дай мне, - командует Миша.

- Михаил, мы сами разберемся. Все в порядке, - тихо про-

шу, но любые попытки погасить конфликт разбиваются об эту стальную махину.

- Доверьтесь мне, Анастасия.

Однажды я уже доверилась – и горько пожалела об этом.

- А ты чо, дядя, ее юрист? Это тобой она меня вчера пугала? – цедит мажор, а сам тушуетсЯ под злым Мишиным взглядом и на всякий случай пятится к двери.

- Так точно, адвокат, - сдержанно ухмыляется Демин и забирает смартфон последней модели из трясущихся, тонких рук парня. – Елисей Андреевич, здравствуйте, - бодро выпаливает в трубку. – Вас беспокоит... Как? Узнали по голосу? Значит, не быть мне богатым, - равнодушно хмыкает.

Миша никогда не был помешан на богатстве. Деньги его интересовали не как сама цель, а как средство для ее достижения. Имея собственные накопления и счета, что оставили ему родители, он вел аскетический образ жизни, скитался по съемным квартирам, почти ничего не имел на берегу. В основном же, посвящал себя службе родине. Крейсер был его домом, команда – семьей. Наверное, за семь лет многое изменилось, если сейчас Демин известен как бизнесмен, а не как офицер флота.

С каждым новым фактом его биографии я все больше убеждаюсь, что не знакома с этим Мишей. Я любила кого-то другого. Но в то же время рядом с ним сердце бьется, как и раньше.

- Нет, не переживайте, с вашим младшим сыном все от-

лично. Никаких претензий у меня к нему нет. Тренировки не пропускает, всегда собран и серьезен. Мужик растет. Да-да, - сдержанно смеется Демин в унисон с довольным хохотом Антоновского. Сложно разобрать, что он отвечает Мише, но общаются они доброжелательно, как старые товарищи. - Возраст – дело наживное, для тринадцати лет ведет себя ваш Алексей достойно. Скажу больше, он подает большие надежды в спорте. Планирую отправить его на чемпионат по самбо. Готовьтесь, папа.

Застыв, как два каменных изваяния, мы переглядываемся с Максимом. Судя по его растерянному выражению лица, он тоже не понимает, что происходит. Ясно лишь одно – маятник запущен, и от этого разговора зависит, в чью сторону он качнется.

- Однако ваш старшенький огорчил. Так точно, познакомились сегодня, - исподлобья стреляет взглядом в Максима, а тот бледнеет и едва не падает замертво, словно настоящую пулю поймал. - Девушку хорошую обижает, старшим хамит. Не по-мужски как-то. Его бы на службу...

Мажор вздрагивает, икает и вжимается спиной в дверь. Смотрит на меня в поисках поддержки, но я молчу, скрестив руки на груди. Миша прав, и я могу подписаться под каждым словом, вплоть до предложения о службе. Принимаю его сторону, как в старые добрые времена. Словно мы и не расставались. Он защищает меня, я стою за его спиной, обеспечивая надежный тыл.

- Могу ли я поручиться за Анастасию? – делает паузу, задумчиво покосившись на меня. – Разумеется. Она организует мою свадьбу, и я ей полностью доверяю.

Пересекаемся взглядами. Совладав с собой, я рвано киваю, мысленно склеивая осколки разбитого вдребезги сердца.

Все в этом мире имеет свою цену, и Миша помогает мне не бескорыстно. Взамен я должна взяться за его с Альбиной свадьбу. Казалось бы, ничего криминального или сложного. Услуга за услугу. Но знал бы он, чего мне это стоит.

- Хм, да, так получилось, - бурчит Демин без энтузиазма, отворачиваясь к двери. - Мы не афишировали... Конечно, вы приглашены, Елисей Андреевич, - через силу выдавливают из себя.

Судя по всему, пышное торжество с кучей гостей не входит в его планы. Наоборот, угнетает. Уверена, невеста рассчитывает на другое...

"Классическая свадьба", - звенит в ушах, а перед глазами всплывает хитрая улыбка Альбины.

- Сейчас передам трубку Анастасии...

Настороженно прищуриваюсь, не спешу брать телефон, будто он ядом пропитан, но Миша одними губами, изогнутыми в полуулыбке, произносит: «Все хорошо».

И я ему верю. Как прежде.

Ничему меня жизнь не учит.

- Доброе утро, Елисей Анд...

- Какое же оно доброе, Анастасия Николаевна, - перебивает он меня, тяжело вздыхая. – Посреди ночи мне звонит сын, рассказывает, что организатор ему свадьбу срывает по заказу наших врагов. Я на иголках, жена в слезах, - умолкает на пару секунд, которые кажутся мне вечностью. - Сейчас я узнаю, что все, оказывается, не совсем так, как преподнес Максим. Знаете, у меня нет причин не верить Михаилу Яновичу. Раз уж он лично за вас поручился, это многое значит. Так что я готов вас выслушать. В двух словах расскажите, что произошло...

Нервно сглатываю, беспомощно уставившись в широкую, мощную Миши, который держит оборону, заслоняя меня от Максима. Я не должна так реагировать, но... чувствую себя в безопасности. Набравшись смелости, выпаливаю Антоновскому все как на духу.

Пока говорю, мажор недовольно, зло шипит, а Демин цыкает на него, приказывая заткнуться. Они выглядят как учитель с нерадивым школьником. Сложно представить, что инфантильный Максим женится и скоро станет главой семьи. Впрочем, решать все в его жизни по-прежнему будет отец.

- Я вас понял, Анастасия Николаевна, - звучит в динамике, после чего повисает тишина, в которой я отчетливо слышу стук собственного сердца. Жду приговора.

- Елисей Андреевич? – напоминаю о себе, когда ожидание становится невыносимым.

Миша оборачивается. Изучает меня, выгнув бровь, пыта-

ется считать эмоции.

- Да-да, я все еще на связи. Думаю, как поступить, - шумный вздох и хриплый кашель. – Ничего этому оболтусу доверять нельзя, даже свадебную арку выбрать, - ворчит приглушенно, так что я с трудом разбираю слова, а после громко обращается ко мне. – Анастасия Николаевна, у вас сохранились эскизы?

- Конечно, все варианты, от классики до бохо...

- Прошу вас, отправьте их мне на почту с пометкой, какие лично вам кажутся более подходящими. Я посмотрю и сегодня же дам вам ответ. И еще...

- Да?

- Давайте договоримся, что вы все-таки выполните этот заказ. До свадьбы осталась неделя, сроки поджимают. Да и не хотелось бы с вами ссориться, - холодно добавляет с недобрым намеком. – Надеюсь, вы успеете? – дожимает меня.

Это одно из тех предложений, от которых не отказываются. Поэтому я иду на компромисс.

- Успею, если ваш сын и его невеста будут сговорчивее, - осторожно огрызаюсь, а у самой сердце заходится в груди, как у загнанного кролика.

Трудно дышать, не то что говорить. Я бы уже потеряла сознание от стресса, если бы не близость Миши, что придает мне сил и... одновременно убивает. С ним мне не так страшно, но больно.

Меня штормит, как одинокую лодку в море. Хочется при-

биться к берегу, но этот остров больше не мой...

- Это не проблема. Отныне будете общаться лично со мной, - Антоновский припечатывает меня одной фразой. – Жду материалы. А теперь, будьте добры, верните телефон Максиму. Я озвучу ему свое решение лично.

С радостью избавляюсь от трубки, а заодно и от гнетущего общения с бизнесменом, но тревога остается. Когда мажор сбегает из кабинета, не попрощавшись, я все равно не могу выдохнуть с облегчением. Наоборот, наедине с Мишей все становится сложнее.

- Что ж, я так понимаю, вопрос решен? – разрывает он неловкую паузу. Киваю, не сводя с него глаз. – Тогда спокойно готовьте свадьбу.

- И вашу... тоже?

Демин медлит с ответом, приближается ко мне практически вплотную. Пристально, долго рассматривает меня, будто пытается вспомнить. Борется с собой, а потом вдруг делает шаг назад и спокойным тоном произносит:

- Вы не обязаны, Анастасия. Я сказал это для того, чтобы у Антоновского не оставалось сомнений в вашей честности. Он знает, что я не стану иметь дело с гнилыми людьми, а обман чую за версту. Это профессиональное.

- То есть... я вам ничего не должна? – уточняю на всякий случай.

Он снова проходится по мне мучительно пронзительным, препарирующим взглядом, всматривается в мои поблески-

вающие от слез глаза, ищет ответы. Так и не получив отклика, словно ударяется о бездушное стекло, Миша твердым, размашистым шагом направляется к выходу.

- Прощайте, Анастасия. Я вас больше не потревожу, - говорит, не оглядываясь. Оставляет свою визитку на тумбочке. – Это на случай, если у вас опять возникнут проблемы.

И уходит, бросая меня одну в растрепанных чувствах.

Глава 6

Михаил

– Будешь ждать?

– Буду...

– Я должен успеть сделать тебя своей женой, чтобы мы точно не потеряли друг друга...

– Миша! Прекрати говорить так, будто мы уже расстались!

Каждую ночь, когда я закрываю глаза, в ушах звенит приятный женский голос, что кажется мне родным, а в сознании всплывает образ блондинки, которую я никогда не видел наяву. Черты ее лица нечеткие – и расплываются в сплошное, смазанное пятно, как только я пытаюсь сфокусироваться на них. Иллюзия испаряется, стоит лишь мне протянуть руку и дотронуться кончиками пальцев до ее округлого животика, скрытого под тканью моей тельняшки.

Бред... Ее не существует. И никогда не существовало. Она лишь плод моего больного воображения.

Я одинокий морской волк, и у меня не было ни жены, ни семьи. Об этом твердят все родственники и люди, которые меня знали в прошлом. Это подтверждают восстановленные

документы. Что я могу противопоставить фактам? Сломанную интуицию?

Море было моим смыслом жизни и стало моим проклятием. Я погиб как личность.

«Моя личность. Моя жизнь. Все теперь твое. Береги»..

У меня не осталось ничего, кроме больных снов, от которых я должен избавиться... Чем скорее, тем лучше. Ради моего маленького сына.

Почему тогда проклятый призрак сводит меня с ума? Я учусь игнорировать его, как шизофреник воображаемых друзей. Запрещаю себе искать похожую блондинку в толпе, грезить о ней, как помешанный. Но сегодня... мое безумие достигает пика.

Образ обретает внешность и душу, становится осязаемым. Черты проявляются, как святой лик на иконе. Мягкая улыбка, ямочки на щеках, большие небесно-голубые глаза. Запах незабудок, теплое, но робкое прикосновение ладони, бархат кожи, шелк пшеничных волос. И чистый взгляд, стреляющий метко в сердце и навывлет.

Травмированный мозг находит параллель и заполняет пустоту, что высосала из меня все чувства. Галлюцинация превращается в реальность.

Я снова просыпаюсь в холодном поту, но на этот раз с ее именем на губах:

- Настя!

Дышать тяжело, словно из легких выкачали кислород и

наполнили их раскаленным паром. Все вокруг в огне. Ко мне тянутся языки пламени, обволакивают тело горячими щупальцами, душат. Выставляю руку, чтобы сбросить с себя эту дрянь.

- Миш-ш, - доносится испуганное змеиное шипение.

Часто моргаю, прогоняя сон, граничащий с бредом, вижу свою руку на тонкой женской шее. Одно легкое движение – и позвонки хрустнут. Я всматриваюсь в лицо, а пальцы непроизвольно сжимаются.

Неконтролируемая ярость накатывает волнами.

«Отставить, Демин!» - гремит в ушах командирский тон хрупкой Насти.

Отрезвляет. Встряхивает, как на корабле в шторм. Приводит в чувство.

Я резко прихожу в себя. Разжимаю окоченевшую руку.

- Аля, какого хрена ты здесь делаешь? – рявкаю с досадой.

- Ты звал кого-то... - лепечет она, кашляя и прижимая ладонь к горлу.

- Понятия не имею, - лгу уверенно, а в сознании застряло на повторе: «Настя». - Я спал. Просил же, Аль, не приближаться ко мне в такие моменты. Что если бы я навредил тебе? Меня бы посадили, а Мишаню вернули моему брату под опеку. В лучшем случае.

Включаю прикроватную лампу, смахиваю испарину с лица и шеи. За ребрами бьется в агонии взбесившееся сердце. Машинально нащупываю ладанку на груди – и сгребая ее в

кулак. Это все, что осталось мне вместо утерянного жетона. Святой Николай – покровитель моряков.

«Пусть он бережет тебя»..

Не подвел, с того света меня вернул. Вырвал из ада живым, но бракованным и пустым.

- Опять кошмары? – суетится Альбина. - Твои таблетки... - берет с тумбочки баночку и стакан воды. - Может, увеличить дозу?

- Убери, - раздраженно взмахиваю рукой.

Цепляю ее кисть, случайно выбиваю лекарства из слабых, трясущихся пальцев – и таблетки рассыпаются по постели. Небрежно смахиваю на пол все до единой.

- Мне хватит, - устало откидываюсь на подушки. – Возвращайся к Мишане. Ты должна быть с ним, как мы и договаривались.

- Сыночек спит, не волнуйся. Я хотела бы немного побыть с тобой, пока не уснешь. Мало ли что...

Она проводит по моему плечу ладонью, которую я импульсивно убираю.

- Уходи, - чеканю строго. – Спокойной ночи.

Альбина кивает, не проявив ни намека на обиду. Гордо, с чувством собственного достоинства покидает мою спальню. Лишь дверью хлопает чуть громче обычного.

Я хочу вернуться в свой кошмар, который вижу каждую ночь на протяжении семи лет. Но именно сегодня это желание особенно сильно и непреодолимо.

Стоит мне сомкнуть глаза, как телефон на тумбочке вибрирует.

Кому не спится в такую рань? Так же, как и мне, будто мы связаны духовно. Разве что тому, у кого тоже тревога и бессонница или... двое детей, требующих внимания в любое время суток.

«Я всегда возвращаю долги, Михаил Янович. Поэтому я согласна помочь вам», - горит на дисплее. Каждая буква объята пламенем.

Неожиданно!

Впиваюсь взглядом в имя отправителя. Перечитываю сообщение. Не сразу понимаю, что Настя пишет о свадьбе. Сама того не ведая, простой фразой она попала четко в цель.

Мне действительно нужна помощь. Сейчас как никогда.

Понимаю, что ступаю на скользкую дорожку, но пальцы набирают короткое, сдержанное «Спасибо», а уголки губ слегка тянутся вверх.

Значит, еще увидимся.

Впервые за долгое время улыбаюсь, хотя думал, что разучился делать это. Атрофированные чувства потихоньку шевелятся в груди.

Я впускаю Настю в свои сны. Милую, хрупкую, воздушную, в легком васильковом платице – такую, какой запомнил ее в нашу последнюю встречу в салоне. Мы лежим вместе, не прикасаясь друг к другу, и просто разговариваем. Так тепло и непринужденно, будто знаем друг друга всю жизнь.

Пальцы покалывает от желания дотронуться до нее, подцепить прядь разметанных по подушке волос, обнять... Но дикий страх снова потерять ее останавливает меня. Не шевелюсь и почти не дышу, чтобы не спугнуть и не проснуться.

Впервые за семь лет ощущаю полное умиротворение, граничащее с истинным счастьем, будто наконец-то умер и попал в свой рай, где есть только она. Ее приятный смех ласкает слух, а потом превращается в трель звонка. Образ рассеивается, оставляя рядом со мной лишь пустую подушку.

Я нехотя размыкаю веки, поднимаю трубку трезвонящего телефона.

- М-м? – мычу недружелюбно, прикрывая лицо от солнечных лучей, пробивающихся через щель между неплотно задвинутыми шторами.

- Можно тебя поздравить, брат?

Голос Германа звучит бодро и довольно, в отличие от моего. По мне будто катком проехали. Голова раскалывается, но обезболившими и снотворным злоупотреблять не хочу – мне за руль скоро садиться, чтобы ехать в спортивный центр. Тренировки должны отвлечь меня и привести в форму, как обычно. Заряда энергии хватит ровно до того момента, пока опять не наступит ночь и призрак не вернется.

- Задача под кодовым названием «Сафин» выполнена, - победно смеется брат. - Психиатр, который пудрил тебе мозги и чуть не испортил нам обоим жизнь, наконец-то получил по заслугам. Ты отомстил за всех нас. Надеюсь, ты удовле-

творен?

С трудом нахожу пульт от телевизора. По всем федеральным каналам крутится скандальная новость: «Вчера – выдающийся доктор с амбициями Фрейда. Сегодня – пациент психиатрической лечебницы. Мы продолжаем следить за делом Марата Сафина».

- Не особо. Эта мерзкая рожа лучше бы смотрелась за решеткой, - рычу зло. – Даже оказавшись в тупике, он умудрился выкрутиться.

- Не скажи, - спорит брат. – Для него это конец карьеры. Сплюнув, зло выключаю телевизор. Я устал от этого дерьма... Несколько месяцев я судился со светилом отечественной психиатрии. Сафин считался лучшим в своем деле. Я обратился к нему за помощью в момент, когда мое существование стало невыносимым, но он почему-то решил, что может беспрепятственно ковыряться в чужих мозгах и манипулировать людьми в личных целях. Деньги и месть оказались для него выше, чем клятва Гиппократы.

- Как наш мелкий Мишка? – Герман мастерски переводит тему, на расстоянии уловив мое настроение. Мы близнецы, поэтому порой бываем как два сообщающихся сосуда. Чувствуем друг друга и понимаем.

- Капризничает, привыкает к новому месту жительства. Я, если честно, тоже...

Встаю с постели, как старая развалина, обхожу собственную спальню – и ничего в душе не екает, будто в съемной

квартире нахожусь, чужой и незнакомой.

– Ни черта здесь не помню, - хмуро бубню, останавливаясь перед большим панорамным окном и отдергивая штору.
- Она точно была моей в прошлом?

- Точно, - уверенно бросает Герман, и я тяжело вздыхаю.
- Просто ты почти не жил в Питере. Когда был на берегу, ты ездил по стране и снимал randomное жилье, а остальное время проводил на корабле. Любил повторять, что крейсер – твой дом родной.

- Что ж, сгорел и утонул мой дом, - цокаю обреченно. - Будем обустраиваться на старом новом месте.

Из кухни доносится требовательный детский крик, отзывается уколom в сердце. Все-таки я хреновый отец. Больной и проблемный. Благо, есть Альбина. Сиделка для нас обоих
- один бы я не справился.

Накинув футболку, я иду на звук. Усмехаюсь, опершись о косяк двери.

Младший Миша, как настоящий командир, строит Альбину, которая пытается накормить его завтраком. Он размазывает руками, выбивает ложку, размазывает пюре по столику и всем своим видом показывает, что ему не нравится ее стряпня.

Задумчиво наблюдаю за ними, а внутри что-то неприятно царапает. Наконец-то у меня есть то, о чем я мечтал – иллюзия семьи. Родной сын, ради которого я готов продолжать жить, и будущая жена, которую... я не люблю. Как и не по-

люблю никого в этом мире.

Чем дольше смотрю на них, тем сильнее хмурюсь. В идеальную картинку пробирается бракованный пазл. В чистом изображении появляется битый пиксель. И это я... Лишний элемент в собственной семье.

Пусть так... Я устал гоняться за воздухом.

– Альбина поможет мне с ребенком, а я здесь один проект реализовываю, - рассказываю брату, направляясь в душ. - Нашел старое здание, вложил в него деньги, которые оставались на моих счетах, и открыл детский спортивно-развивающий центр. Заглядывайте в гости.

- Если не родим, - мягко произносит Герман.

Его жена Амина на последнем месяце беременности. Он счастлив и влюблен, как мальчишка, и я, если честно, по-доброму завидую ему. В то же время рад, что брат смог построить настоящую семью, а не подделку, как у меня.

Порой мне так хреново, что хочется выть.

Я останавливаюсь в коридоре, цепляюсь взглядом за развешанные на стене фотографии. Их не было здесь, когда мы въехали. Квартира больше напоминала келью монаха, чем уютное жилье. Наверное, Альбина постаралась, когда наводила порядок.

Нам с Мишаней не помешает женская рука, но порой она бывает слишком навязчивой...

Я подцепляю пальцами старый снимок, на котором я в офицерской форме. Небрежно бросаю его в ящик тумбы, где

ему самое место. Альбину тоже убираю. Все это как-то... слишком. На виду оставляю лишь фотографии Мишани, что греют и исцеляют душу. Как и он сам.

Мой малыш.

Веду пальцем по изображению, где он улыбается, и невольно вспоминаю дочек Насти, которых увидел лишь мельком на дисплее телефона. Они бы подружились...

Сердце дергается и пропускает удар. Я отмахиваюсь от больных фантазий.

В гребаном суррогате, в который превратилась моя жизнь, только маленький сын имеет значение. Только он настоящий. И все, что я делаю, только ради него.

- Хотя бы на свадьбу ко мне приезжайте, - мрачно роняю, вгоняя Германа в ступор.

* *История Германа тут - "Неверный отец. Счастье в кон-верте"* <https://litnet.com/shrt/woVf>

- Ты сделал тест на отцовство? Не лги, что нет... К тебе на смену поступила пациентка, которая твердила, что носит под сердцем твоего сына, и ты просто забыл об этом? Отмахнулся? Не верю!

- Да, сделал, - Герман перебивает меня прямым выстрелом в сердце.

- И?

Душа вдребезги, ладонь судорожно сжимается на ткани халата внизу ноющего живота, внутри которого зарождается маленькая жизнь. Узнает ли он о моей беременности - зависит от его ответа.

- Вероятность отцовства девяносто девять и девять процентов, - каждое слово отзывается болью в груди. - Но, послушай, Амина, все не так...

Не слышу больше ничего. Белый шум.

У моего будущего мужа родился ребенок от другой...

Срываю с шеи цепочку, на которой в рабочее время вместо кулона ношу свое помолвочное кольцо. В сердцах отшвыриваю на стол. И не узнаю собственного голоса, когда морозным тоном цежу:

- Свадьба отменяется! Я никогда не выйду за тебя... ЧИ-ТАТЬ >>><https://litnet.com/shrt/woVf>

Глава 7

- Что?

- Я решил жениться. Это вынужденная мера, - бубню, прикрыв глаза и сильно сжав пальцами переносицу. - Мишке нужна мать. Ему всего семь месяцев, а я один ни черта не справляюсь. Как назло, еще и органы опеки задержали меня после усыновления. Отцовство оформили без проблем, стоило лишь предъявить результат теста ДНК, но на прицел меня с первого дня взяли. Видите ли, у них вопросы к моему психическому здоровью. Мало того, что отец-одиночка, так еще и контуженный, - яростно сплевываю.

Злюсь на самого себя. Потому что правда не вывожу! В прошлом целой командой руководил, а сейчас с младенцем совладать не могу.

Слабак ты, Демин! Отец, называется! Самому опека нужна...

- Часто приходят?

- Регулярно. То плановое посещение, то по жалобе соседей, то жилищно-бытовые условия проверяют. Достали, мать их! Надеюсь, оставят в покое, когда у нас будет полная благополучная семья.

- С Альбиной? – скептически уточняет брат. - А она не против таких условий? Все-таки брак отчасти фиктивный...

- Она все понимает.

- Как же та блондинка, которая тебе снилась? – участливо интересуется он, не понимая, какую бурю эмоций поднимает в моей душе обычным вопросом.

- Замучила эта галлюцинация, если честно! Хочу избавиться от нее раз и навсегда, но после Сафина опасаясь обращаться к психиатрам, - хмыкаю с горьким смешком. Закрыв дверь ванной, тихо признаюсь: - Мне становится хуже, Герман, – я на каждом шагу ее вижу. Уже в реале мерещится...

Ловлю свое отражение в зеркале. Мда, потрепала меня жизнь – сейчас я лишь блеклая тень того выхоленного офицера со своей старой фотографии. Осунулся, почернел, pokrылся сединой, как пеплом.

На секунду мне кажется, что за спиной маячит чей-то силуэт. Блондинка с лицом Насти подходит сзади, молча обнимает меня, прижавшись щекой между лопаток, там где отдаленно слышен гул сердца.

Маленькие ладони на моей груди, исцеляющее тепло хрупкого тела, рваное дыхание и слабый аромат незабудок... Ощущения настолько реальные, что меня передергивает. Память бьет как разряд дефибриллятора - и я оживаю на мгновение.

Оборачиваюсь. Никого нет.

Снова умираю.

- Встретил похожую девушку? – пробивается голос брата словно из другой реальности. Разрушает мою иллюзию.

- Типа того, - нехотя роняю, сбрызгивая лицо холодной водой.

- Так, Миша, в таком случае можно...

- Можно Машку за ляжку, Герман, - взрываюсь неожиданно для самого себя. – Эта девушка не знает меня. Она замужем, у нее двое детей. Девочки-близняшки, тоже белобрысые, - невольно улыбаюсь, когда вспоминаю о них. Но тут же мрачнею. Суровая действительность бьет наотмашь. – А еще она... организует нашу с Альбиной свадьбу.

Повисает пауза. В шуме воды слабо различается детский крик. Ведомый отцовским инстинктом, я возвращаюсь на кухню и понимаю, что мне не слышалось. Мишаня устроил концерт по заявкам.

- Что там, Аль? – бросаю с порога и отключаюсь, не попрощавшись с братом. Он поймет.

- Мишутка от прикорма отказывается, - тихо жалуется Альбина.

Перед ней на столике - тарелка каши и несколько открытых баночек с детским питанием.

- Ого, я смотрю, у Мишани тут шведский стол. И что, ничего не выбрал? – серьезно обращаюсь к нему. В ответ он пускает слюни, перемешанные с кашей. Демонстративно плюется. – Ясно.

Беру ложку, с которой тянется вязкая сероватая масса, принохиваюсь, переглядываюсь с сыном. Капнув себе на ладонь, пробую кашу на вкус. Пресная. С трудом сдерживаюсь,

чтобы не выплюнуть. Сын внимательно следит за мной. Он будто понимает все, несмотря на возраст, и затихает в ожидании. На недовольном красном личике четко читается: «Пап, разберись».

- При всем уважении, Альбина, я бы тоже такое не ел, - аккуратно произношу, скривившись, и возвращаю ложку на место. Вытираю губы салфеткой, незаметно сплевывая кашу.

- Я делаю все по книгам и рекомендациям ведущих педиатров, - спокойно объясняет она. - Безмолочная каша без сахара на завтрак, кабачок или брокколи на обед... Я уже на выбор ему предлагаю, лишь бы ел, но он от всего отказывается.

Мишаня недовольно размахивает ручками, показывая свое отношение к «ведущим педиатрам», и бьет кулачком по ложке, так что брызги неаппетитной каши летят в Альбину. Она не произносит ни слова, хотя я чувствую напряжение. В момент, когда по всем разумным прогнозам Аля должна сорваться, она лишь делает вдох, спокойно берет салфетки, промокнув ими лицо и грудь. Молча выдыхает.

- Мне иногда кажется, что ты тоже сидишь на успокоительных, как и я. Причем доза у тебя убойная, - хмыкаю я, настороженно наблюдая, как она переключается на ребенка, терпеливо вытирая ему пальчики.

Не женщина, а ледяная глыба. Видимо, профессия военного врача наложила свой отпечаток.

- Все нормально, Миш, - говорит на удивление ровным

тоном. Она не умеет быть покорной и нежной, не любит подчиняться, но сейчас будто ломает себя. – Я просто пытаюсь быть хорошей матерью нашему сыну...

Казалось бы, логичное и вполне уместное желание, ведь я сам просил ее о помощи. Однако фраза о «нашем сыне» вгоняет меня в ступор. Я передергиваю плечами, чувствуя, как мороз прокатывается вдоль позвоночника. В солнечном сплетении неприятно покалывает.

- Я благодарен тебе за это, но... - опускаю руку на ее плечо, но тут же отдергиваю, будто обжегся. – Ты не его мать, Аля, и не обязана...

- Я всего лишь хочу тебе помочь, - перебивает меня, поднимая голову. На дне ее зрачков вспыхивает недобрый огонь, но тут же гаснет, а на лице появляется легкая улыбка. – Не переживай, Миша, я никогда не стану делать того, чего не хочу. Это не в моем характере.

- Я знаю... - задумчиво буравлю ее взглядом.

- Из опеки не звонили? – как бы невзначай уточняет Аля.

У меня внутри гадко скребут кошки, Мишаня начинает хныкать, будто подсознательно боится, а она по-прежнему холодна.

- Слава богу, нет. Надеюсь, Мегера Андреевна найдет себе наконец-то мужика, успокоится и не будет цепляться к нормальным семьям, - рычу в сердцах.

Сын заходится плачем, и я наклоняюсь к нему, чтобы успокоить. Зато Альбина, как робот с заданной программой,

невозмутимо продолжает:

- Маргарита Андреевна – очень ответственная и принципиальная, иначе не была бы начальником отдела. К тому же, пережила тяжелый развод. Она тонко чувствуешь фальшь, поэтому я стараюсь быть искренней по отношению к малышу и... к тебе, - заканчивает сипло. - Вот увидишь, после свадьбы нас оставят в покое.

- Хотелось бы верить. Я устал от этой назойливой опеки, если честно. Не такой я ужасный отец, чтобы за каждым моим шагом следить.

- Ты прекрасный папа, Миш, - непривычно мягко улыбается она и берет меня за руку. Терплю пару секунд из вежливости, а потом прячу ладони в карманы домашних штанов.

Детский крик становится громче и требовательнее. Мишаня переходит на ультразвук, краснеет от усердия, и Аля впервые за все утро едва заметно вздрагивает.

- Иди в душ, потом сделай себе кофе. Позавтракай в тишине, а я с ребенком посижу, - приказываю ей, не отвлекаясь от сына. – Сделаю ему молочную смесь, как обычно. В конце концов, Мишаня родился сильно недоношенным, болел. Возможно, ему просто нужно больше времени...

Малыш протягивает ко мне ладошки, и я беру его на руки. Чувствую, как маленькие пальчики впиваются в мою футболку, цепко сжимая хлопок ткани.

- Как скажешь, Миша, - покорно соглашается Альбина.

Как только она уходит, в кухне воцаряется полная тиши-

на. Мишаня с причмокиванием сосет кулачок, прижавшись к моей груди. Теплый, крохотный, пахнет молоком. Такой маленький, а уже с характером.

- Воспитываешь ее, да? – усмехаюсь, чмокая его в макушку. – Полегче, командир, она здорово нас выручает. Мы бы без нее не справились.

Сын мурлычет что-то на своем, слюнявит мою футболку, оставляя следы, и трется об меня носиком. На инстинктах сиську ищет. Мамки ему не хватает - это заметно. Вместо мягкой груди – силиконовая соска, вместо молока искусственная смесь, вместо колыбельной радио. Тоже в какой-то мере суррогат.

Так и живем...

Вздохнув, даю сыну бутылочку, и он жадно присасывается. Кормлю его на руках, впитывая детское тепло. Мишаня забавно подкатывает глаза, борется со сном и постоянно поглядывает на меня, будто следит, чтобы я не сбежал.

- Да куда я от тебя денусь? На всю жизнь повязаны, - улыбаюсь, и он тоже тянет уголки губ вверх. Выпускает соску изо рта, молочная смесь стекает по подбородку на слюнявчик. – Ну, пей давай, командир, не отвлекайся.

Краем глаза замечаю, как загорается дисплей моего телефона. Не выпуская ребенка из рук, отвечаю на звонок.

- Привет, Леша, - выдаю негромко, чтобы не тревожить расслабленного кроху. Он постепенно засыпает под мой грубый голос, как под колыбельную. – Что случилось?

- Михаил Янович, ребята спрашивают, будет ли сегодня тренировка? – бодро звучит в динамике.

Я мог бы просто руководить спортивным центром, как делают все адекватные бизнесмены, но мне нравится заниматься с детьми. Это моя отдушина. В свое время именно тренировки помогли мне не сойти с ума и не погрузиться в депрессию.

- Разумеется, будет, - чеканю, покосившись на часы. – Передай этим бездельникам, что я обязательно проведу переключку. Кто прогуляет, в следующий раз будет выполнять двойную норму. Чемпионат на носу. Если задержусь, начинайте разминку без меня. Ты за главного, Леша.

- Так точно, - бойко летит в ответ.

Хороший пацан – этот младший Антоновский, не чета своему брату, который Настю донимал.

- Настя... - повторяю одними губами, и снова ее образ перед глазами. - Как выбросить тебя из головы?

- Миша, а где... - резонирует в ушах голос Альбины, но я шикаю на нее, указывая на уснувшего малыша. Она кивает и мгновенно исчезает, как по волшебству. Удобная женщина. Порой чересчур...

Отношу сына в детскую. Некоторое время сижу над его кроватью.

Может, не все так плохо, Михаил Михайлович? Вместе прорвемся.

Глава 8

Анастасия

- Вернусь – распишемся. Ты только дождись. Даже если не дождешься, все равно найду тебя и заберу.

- Обещаешь?

- Клянусь.

Я просыпаюсь за секунду до того, как прозвенит будильник. Отбрасываю одеяло, которое обнимала, как родного человека, и будто ныряю в сугроб после жаркой бани. Тело сковывает льдом, а внутри полыхает пожар.

Делаю рваный вдох – и легкие горят, словно я всю ночь не дышала.

Мне снился Миша.

Прежний Миша. Такой живой и осязаемый, что я не могла надышаться им. Затаив дыхание, боялась его потерять. Снова.

Я отпускаю смятую простыню, в которую вцепилась онемевшими пальцами. Достая телефон из-под подушки, выключаю сигнал, чтобы не разбудить дочек раньше времени, и лихорадочно листаю историю сообщений. Испепеляю глазами сухое «Спасибо» от Демина.

Значит, это был не сон. Я действительно написала ему по-

среди ночи. На автопилоте, будто в меня вселилась та наивная Настя, которая искренне верила и беззаветно любила. Которая до сих пор не может отпустить прошлое.

Здравый смысл требует отказаться от любимого мужчины и забыть навсегда, но шестое чувство раненой птицей трепыхается в груди, умоляет присмотреться к нему, убедиться, что все именно так, как кажется...

Гордость склонила голову перед интуицией, а пальцы сами набрали текст сообщения.

Он ответил незамедлительно. Как будто тоже не спал. И ждал...

«Спасибо». Как обухом по голове. И точка.

А чего я ожидала? На что рассчитывала?

Найдет и заберет? Смешно...

Мазохистка!

Одним коротким сообщением я подписала себе приговор. Теперь мне придется организовывать свадьбу бывшему. Своими же руками торжественно вручить его другой женщине. Впереди две недели, что превратят мою жизнь в ад. Наверное, я должна пережить это. Увидеть все собственными глазами, чтобы не питать ложных надежд. Пройтись по осколкам собственного сердца босиком – и двигаться дальше. Без него.

- Ма-а-а! – визжат дочери в коридоре.

Шаги стремительно приближаются, дверь распахивается настежь. На пороге толкаются мои Незабудки, вызывая

улыбку. Опять что-то не поделили?

- Ариша забрала цепочку! – жалуется Поля, хватая сестру за руки. – Положи на место!

- Нет! – упрямо топает ногой та. – Ты стукачка!

- А ты воровка!

- Прекратите обзывать и извинитесь друг перед другом, - строго приказываю обеим. – Веселое «доброе утро», - тяжело вздыхаю, поднимаясь с постели.

Надув губы, они послушно обнимаются, а потом Ариша протягивает мне цепочку, из-за которой они поссорились.

- Давай папу поищем? – тихонько лепечет, строит умоляющие глазки и наклоняет голову.

На раскрытой ладонке – армейский жетон. Миша оставил мне его перед тем, как уехать навсегда, а я сохранила в детских вещах, как оберег. Показывала дочкам, когда они спрашивали об отце. Теперь понимаю, что зря... Мои смышленные малышки жадно впитывали каждое слово, а в их маленьких, чистых сердечках с каждым днем разрасталась надежда. Я сама виновата в этом.

- Вдруг папу украли? – испуганно округляет глаза Поля.

Наивные вопросы рвут мне душу в лохмотья. Дети даже не догадываются, что их отец совсем рядом. Он сам сделал выбор в пользу жены и сына, а мы ему оказались не нужны.

Как сказать им об этом? Как объяснить?

Молча забираю жетон, зажимая его в кулаке, и порывисто обнимаю девочек. Расцеловываю румяные щечки, улыбаюсь

через силу, пряча слезы, и бодро предлагаю:

- Давайте вы сегодня садик прогуляете?

- А можно?

Они загораются, как два огонечка, мгновенно переключаясь на новую тему. Забывают о ссоре, но не об отце... Наш нелегкий разговор остается в подвешенном состоянии, и я решаю доверить его специалисту.

- Мы поедem к бабушке. Сегодня у тети Ники выходной. Если она дома, я попробую уговорить ее погулять с вами, - подмигиваю дочкам, а они с радостными вскриками повисают на моей шее.

- Ур-р-ра!

Моя сестра – психолог по образованию, умеет находить подход к детям и не раз выручала меня в самых, казалось бы, тупиковых ситуациях. Когда меня душат эмоции, Ника подключает разум и опыт. Раньше она консультировала меня по телефону, так как жила с мужем за границей, но после тяжелого развода вернулась в Питер с сыном. Они тоже поселились у матери, потому что им больше некуда было идти – супруг оставил Нику без гроша. Отсудил все, что мог, и выгнал в Россию вместе с их общим ребенком.

Тесная мамина квартира быстро превратилась в палату дурдома. В тот момент я только открывала свое дело, но работать дома было невозможно. Маленькая площадь не выдерживала столько жильцов, дети устраивали концерты, Рыжик "подпевал", а соседи ругали нас за шум. Мне пришлось

в очередной раз взять деньги со счета, оставленного нам Мишей, и снять отдельное жилье, чтобы никого не утруждать. Теперь мы ездим друг к другу в гости.

Надеюсь, Ника поможет мне мягко объяснить дочкам, что отец не вернется и больше не нужно его ждать, при этом не травмировать их. В конце концов, она лично прошла через это с собственным сыном, который на три года старше моих близняшек.

– Только ведите себя хорошо, иначе ваша тетушка испугается и сбежит, - грожу пальцем.

- Так точно, - отзывается Ариша.

- Дого-о-оним и зацелу-у-уем, - хитро тянет Поля.

- Шагом марш собираться! Время пошло! – приказываю шутливо, кивая на часы.

Провожая взглядом моих Незабудок, пока они наперегонки бегут к выходу. Как только за ними закрывается дверь, я опускаю глаза на жетон. Ладонь испещрена розовыми полосами от жестких граней – так крепко я его сжимала, не ощущая боли. Поверх выгравированных на металле цифр бесшумно ложатся мои слезы.

Я хочу еще раз посмотреть ему в глаза...

Снова стискиваю кулак. Еще сильнее. До одури.

Все нормально. Я выдержу. Ради дочек.

Глава 9

- Значит, ты на протяжении шести лет рассказывала близняшкам об отце, показывала его вещи, с пеленок приучала их к мысли, что однажды он вернется – нужно только подождать... - размеренно, без эмоций перечисляет Ника, помещивая сахар в чай. Ложка монотонно бьется о край чашки, и этот звон, словно острый скальпель хирурга, безжалостно режет по моим натянутым нервам.

В небольшой квартире становится душно, словно из нее вмиг выкачали весь кислород. Дети беззаботно играют, не обращая на нас внимания, мама отлучилась на работу, так что мы можем свободно разговаривать о личном. Если бы только это не было так больно...

- Когда твой моряк-многоженец наконец-то объявился, ты... просто промолчала? А теперь просишь меня провести терапию? Поговорить с девочками и все им объяснить? – сестра выгибает бровь, посмотрев на меня исподлобья, а я неловко киваю. - Медицина здесь бессильна, Настена.

Она осуждающе качает головой, делает глоток чая и внимательно изучает меня, будто препарирует. Я не выдерживаю и срываюсь.

- Да, я промолчала! – выпаливаю в сердцах. В отличие от нее, я не умею скрывать чувства. - Что я ему скажу, Ник? Он даже не узнал меня! После всего, что между нами было...

Спросил, не пересекались ли мы где-нибудь, - горько усмехаюсь, вспомнив его холодный взгляд и равнодушный тон. - Лицо мое ему показалось знакомым...

Я украдкой смахиваю слезы обиды, чтобы Ника не видела. Но она подмечает каждую деталь - это у нее профессиональное. Хмурится, не сводя с меня сосредоточенного взгляда.

- Вот урод.

Она скрещивает руки на груди, откидывается на спинку стула и отворачивается от меня, задумчиво наблюдая за Незабудками, что носятся по гостиной вместе с ее сыном. Благо, дочки не слышат нас, иначе бы уже стрекотали про отца.

- Макс, догоняй, - вопит Ариша и срывается с места, случайно толкая Полю.

- Ай, не пихайся! – не остается она в долгу. В узком проеме двери разворачивается небольшая потасовка.

- Ты водишь! – пользуясь моментом, Макс хлопает старшенькую по плечу и убегает с громким смехом.

Не успеваю открыть рот, чтобы по привычке отругать их, как Ника аккуратно берет меня за руку, останавливая, и сама перехватывает инициативу.

- Ребята, я понимаю, что вы рады друг друга видеть и вам весело, но не забывайте о вежливости. Когда старшие разговаривают... - умолкает, вопросительно взглянув на сына.

- Нужно проявить уважение и не перебивать, - бубнит мальчишка отрепетированный текст. – Ясно вам? – строго

косится на моих притихших девочек. Сейчас они похожи на невинных овечек, что им совсем не свойственно.

Не дожидаясь реакции, Макс берет их за руки и ведет в комнату, тихо отчитывая по дороге словами и тоном матери. Дверь за детьми закрывается, и в гостиной воцаряется благодатная тишина.

- Всегда восхищалась твоими методами воспитания, - искренне улыбаюсь сестре. – Любой конфликт ты умеешь погасить в зародыше, не повышая голоса. Мне бы хоть каплю твоей выдержки.

- В семейной жизни мне это не помогло, - выдыхает она, и глаза ее тухнут. Так бывает каждый раз, когда речь заходит о разводе. - Сапожник без сапог.

- Ника, скажи, за эти годы он так и не захотел увидаться с сыном? – осторожно спрашиваю, хотя знаю, как она злится при любом упоминании о бывшем муже. Расстались они некрасиво, он выставил ее из дома со скандалом, опозорив перед своей родней.

- Забыла? Мы не говорим об нем, - перебивает меня сестра. – О покойнике либо хорошо, либо ничего, - жестоко бросает, отвергая любые мои попытки влезть к ней в душу.

Закрывается, прячась в кокон, и варится в своих переживаниях в одиночку. Я же, наоборот, вся как на ладони. Мне остро необходимо поделиться с кем-нибудь своими страхами и болью, а ближе нее у меня никого нет. Маму я беспокоить не хочу – она и так страдает из-за нас обеих, своих непуг-

тевых, брошенных и несчастных дочерей.

- Но ведь мою жизнь мы обсуждаем... - напоминаю с укором.

- Ты сама попросила меня о помощи, разве не так?

- Так...

- Воспринимай меня как мозгоправа, тебе не мешает квалифицированная помощь, тем более, сейчас.

- Тебе тоже, Ника. Причем давно, - парирую я.

- У меня все прекрасно, - выдает она после паузы, выдавливая из себя неестественную улыбку. – Я переболела, теперь у меня стойкий иммунитет против мужчин, а вот у тебя еще все впереди. Ты слишком долго тешила себя ложными надеждами. Но вместе мы справимся, - протягивает мне кулак, который я отбиваю, как в детстве. – Прорвемся, Настена.

- Прорвемся, - тихо соглашаюсь. - Ник, можешь сегодня близняшек себе забрать? В сад идти они категорически отказываются, Валька на смене, а если я опять возьму их в агентство, они мне там все разнесут. Пожалуйста, присмотри за ними до вечера, - складываю ладони в умоляющем жесте.

- Без проблем, - легко соглашается сестра. – Правда, через час мы планировали быть в новом спортивном центре. Я хочу Макса на баскетбол записать. Он давно просится, да и энергию надо направлять в созидательное русло, иначе он в квартире все стекла поразбивает.

- Ника, а денег тебе хватает? Насколько я знаю, детские кружки довольно дорого выходят. Я могла бы выделить на

Макса, сколько нужно, он же мой племянник...

- Нам хватает, - резко осекает меня. В очередной раз отказывается от материальной помощи. Она ни у кого не любит быть в долгу, даже у родных людей. – Центр хоть и частный, но его какой-то меценат открыл и много льготных мест предоставил. Говорят, помешан на семейных ценностях. Для матерей-одиночек, как мы с тобой, получается почти даром, так что сам бог велел... - закусывает губу, прищуриваясь. Судя по выражению лица, в ее голове идет сложный мыслительный процесс, а это обычно ни к чему хорошему не приводит.

- Что ты опять задумала? – закатываю глаза.

- Я для твоих хулиганок тоже какую-нибудь секцию подберу, - не спрашивает, а ставит меня перед фактом. – На месте с ними решим. И тебе легче будет, когда дети при деле, и они отвлекутся немного от поисков папы, который бродит вокруг, пока мама слова сказать ему не может, - не упускает случая поддеть меня и вывести на эмоции. Такая у нее тактика, я привыкла.

- Хорошо. Поступай, как считаешь нужным, лишь бы это пошло на пользу девочкам, - послушно киваю, поднимаясь с места. – Встречаемся вечером, - наклонившись, чмокаю ее в щеку. – Может, подумаешь и посоветуешь мне еще что-нибудь. Я только тебе и доверяю, сестренка.

- Не раскисай, Настена, ты же боец, - по-свойски треплет меня по щеке.

«Моя командирша», - проносится в мыслях голос из прошлого, но я прогоняю иллюзию. Нет больше той Насти. Пропала без вести.

Посмотрев на часы, я спешно собираюсь. Проверяю телефон, подсознательно ожидая хоть какую-нибудь весточку от Миши. Но нет... Лишь письмо от Антоновского на почте, в котором он утвердил стиль свадьбы для своего сына, полностью доверившись моему вкусу. Наконец-то! Можно приступить к работе, и чем быстрее, тем лучше, потому что время поджидает.

- Знаешь, я и сейчас могу тебе совет дать, только он тебе не понравится, - неожиданно произносит Ника.

- М-м? – останавливаюсь на пороге.

- Выскажи ему все, что о нем думаешь, и дай смачную пощечину. В идеале, прямо в присутствии той бабы, ради которой он тебя бросил беременную. Он, конечно, к вам все равно не вернется, но тебе станет легче. Ты сможешь наконец-то отпустить свою боль. По собственному опыту знаю, - хмыкает с тоской, ведь именно так она попрощалась с бывшим. Однако я не такая отчаянная. Окинув меня скептическим взглядом, Ника тяжело вздыхает. - Но ты этого все равно не сделаешь.

- Не сделаю, - пожимаю плечами. – До вечера, Ник! Незабудки, ведите себя с тетей Никой хорошо! – наставляю дочек напоследок.

Поцеловав их в щеки и обняв племянника, я вызываю так-

си, прокладывая маршрут до свадебного агентства. Настроение резко летит в бездну. Дело всей жизни на ближайшие две недели станет моей персональной тюрьмой. Я сама вынесла себе приговор. Без вины осужденная.

Ника ошибается... Проблема в том, что отпустить мне предстоит не боль, а свою... любовь. Это гораздо сложнее.

*** *История Ники - в книге "Верни нас, папа! Украденная семья"* <https://litnet.com/shrt/Fboo>

- Хочешь сказать, что Ника родила не от тебя? И это не наш внук?

- Не ваш. И не мой сын, - ответ мужа как пощечина.

- Это ложь, - выдохнула я, но никто не стал меня слушать.

- Тогда ей не место в нашем доме, - прозвучало безапелляционно.

- Пусть остается, все равно ей некуда идти, - отмахнулся муж, обнимая за талию беременную любовницу, которую привел на семейный праздник.

- Нет, Лука. Я не собираюсь все это терпеть. Мы разводимся.

- Кому ты, кроме меня, нужна со своим бастардом? Впро-

чем, проваливай! - кричал он мне в спину, когда я уходила. И смеялся, как будто сошел с ума. А родственники молчали – они поверили ему, а не мне.

В ту же ночь я забрала сына и уехала. Дальше - тяжелый бракоразводный процесс, сфабрикованный за границей тест ДНК и оспаривание отцовства. Наплевав на совесть, муж сделал все, чтобы оставить собственного ребенка без средств к существованию.

Спустя три года он нашел нас - и теперь хочет вернуть любой ценой. Единственный, кто в силах мне помочь защитить сына, - это Данила Богатырев, мужчина из моего прошлого. Когда-то я любила его больше жизни, а он бросил меня и исчез без объяснений. Между нами ничего не было, но почему мой мальчик так похож на него? И почему Данила относится к нему, как к родному сыну? ЧИТАТЬ >>><https://litnet.com/shrt/JmTO>

Глава 10

На следующий день

Анастасия

- Нам нужно пятьдесят тигровых роз для свадебной арки, еще столько же пойдет на цветочные композиции на столах и входную группу в ресторан. Отдельным списком я пришлю вам прочие мелочи, которые будут задействованы в оформлении. Завтра невеста определится с букетом... - запинаясь, лихорадочно хватая ртом воздух. От беспрерывной болтовни по телефону пересыхает в горле, поэтому я беру бутылку минералки со стола и пью прямо из горла.

- Дата? – уточняет поставщик, заставляя меня поперхнуться.

- Свадьба в эту субботу, - откашлявшись, сообщаю как можно строже.

- Хм, - доносится из динамика, после чего повисает гнетущая тишина.

- Заказчик Антоновский, за срочность доплатит, - чекаю серьезно. Благо, по телефону невозможно увидеть, как я нервно кусаю губы и ломаю пальцами карандаш, боясь отказа. – Вы никогда нас не подводили. Надеюсь, что и впредь наше сотрудничество будет плодотворным, а агентству «Незабудки» не придется искать новых поставщиков.

- Что вы! Разумеется, мы работаем дальше, - бодро раз-

дается в трубке после мучительной паузы, и я проглатываю облегченных вздох. - Все необходимое доставим в срок.

- Благодарю.

Сдержанно попрощавшись, я смахиваю невидимую испарину со лба. Нет времени прохладиться, поэтому сразу же переключаюсь на другой заказ. Машинально запускаю планшет, создаю новый эскиз, как обычно, вбиваю в название фамилию молодоженов...

Демины. Михаил и Альбина.

Она будет носить его фамилию. Гордо, радостно, победно. В то время, как я буду дальше воспитывать его дочек, плакать по ночам в подушку, а днем красиво выводить их инициалы на пригласительных. Волнами накатывает неприятное ощущение, что меня обокрали. Причем я сама же помогаю воровке. Превращаю ее преступление в красивое, запоминающееся шоу.

Пальцы не слушаются, стилус дрожит в руке, нервы на пределе.

Замираю, уставившись в экран. Долго гипнотизирую чистый лист, пытаюсь абстрагироваться – и не могу! Профессионализм и опыт летят к чертям. Я чувствую себя неумелым новичком, который даже план рассадки гостей составить не может.

Сворачиваю проект, бросаю планшет на стол и подцепляю визитку, которую оставил мне Миша. На эмоциях набираю его номер.

Не берет трубку. Занят.

Он с ней сейчас? И с их общим сыном?

Они по-настоящему счастливы вместе?

Вместо ответа раздается телефонный звонок. Улыбающееся лицо сестры на иконке контакта немного приводит меня в чувство.

- Что-то случилось, Ник? Незабудки устали быть послушными, забраковали твой спортивный центр и попросились домой? – протягиваю иронично.

Ника все-таки добилась своего и записала моих девочек на секцию плавания. Понятия не имею, как она их уговорила и чем завлекла, но вчера мы судорожно искали купальники, а сегодня у них первое полноценное занятие.

- Не угадала, Настена, пока что им все нравится. В бассейн бежали наперегонки. Правда, поставили условие - отвезти их на море, как только они научатся плавать. Я сказала, что с такими запросами пусть к матери обращаются.

- Я работаю без отпуска. У меня вечно нет времени...

- ...на собственных детей, - заканчивает мою фразу Ника, и я слышу легкий укор в ее тоне. – Настя, прямо сейчас у тебя есть маленький шанс реабилитироваться. Встать, так сказать, на путь истинный.

- Хм, и как же?

- Я ведь редко тебя о чем-то прошу, правда же?

- Говори уже! У меня дел по горло!

- Забери всех троих из центра и побудь немного с ними,

умоляю! Макс на баскетболе, твои плавают. Тренировки закончатся минут через сорок. Ты должна успеть, центр расположен недалеко от твоего агентства, я эсэмэской скину адрес. Прошу тебя, выручай!

- Что произошло, Ника? – уточняю настороженно.

- Покойник объявился. Хочет увидеть сына, - расстроено шепчет она. Не называет имени, но я сразу понимаю, что речь идет о ее бывшем муже.

- А ты что?

- Ты как думаешь? – раздраженно фыркает она, игнорируя все психологические практики, которые описывает в своих книгах. - Он отказался от нас, а спустя столько времени вдруг вспомнил об отцовских чувствах. Разумеется, я послала его к черту! Но он караулит меня под парадной, я не могу вернуться домой с Максом. Никогда в жизни не позволю им встретиться! После всего, что этот гад натворил... Нет у нас папы. Умер! – обиженно выпаливает, а у меня мурашки по коже от ее слов.

Я бы о Мише никогда так не сказала. Наоборот, я желаю ему счастья, а Ника считает меня малодушной и наивной. Каждая из нас переживает предательство по-своему.

- Может, вам поговорить? – примеряю на себя роль психолога, в то время как настоящий специалист выбит из колеи.

- О-о-о, мы обязательно поговорим, - цедит она зло. - Забери Максимку к себе, пожалуйста, а я пока разберусь с покойником.

- Хорошо, Ника, как скажешь.

Сестра мгновенно отключается, а в следующую секунду присылает мне адрес центра. Видимо, чтобы я не успела передумать и отказаться.

Полчаса спустя такси паркуется возле яркого современного здания, оформленного в теплых оранжевых тонах. Примечательно, что у него нет названия. На светлом фасаде лишь табличка «Детский спортивный центр», будто владелец не определился. Судя по тому, что говорила о меценате Ника, вряд ли ему плевать. Чувствуется, что в это место вложена душа.

В просторном холле меня встречает большой стенд с фотографиями воспитанников, живыми кадрами тренировок и расписанием в углу. В центре кипит жизнь. Из спортзалов доносятся удары мячей и грохот инвентаря, над головой гремит топот ног, за спиной раздаются шаги и приветливый голос администратора:

- Здравствуйте, вы к кому?

- У моих детей скоро заканчиваются занятия. Я подожду.

- Присаживайтесь, пожалуйста, - взмахом руки девушка указывает на диванчик у стены. – Кто ваш тренер?

Пожимаю плечами – в суматохе Ника толком ничего не рассказала. А я... мать года, черт возьми! Не знаю даже, кто моих дочек учит плавать. Растерянным взглядом блуждаю по списку секций, чтобы найти имя нужного сотрудника. На глаза попадает самбо. Самозащита без оружия – Миша

владел ей в совершенстве. Помню, как досталось от него Вале...

Мельком цепляюсь за фамилию тренера. И замираю.

Не может быть! Бред! Не его уровень. Мне показалось.

Среди шума различаю детский плач, который становится все громче и настойчивее. По голосу, совсем малыш. Откуда он здесь? Сердце дергается в груди – и я инстинктивно поворачиваюсь на звук.

- Извините, я на минутку, - спохватившись, администратор прокручивается на пятках и направляется туда, где плачет ребенок. Огибает стойку ресепшена, по пути бросает пару слов сидящей за ноутбуком коллеге и, дождавшись понимающего кивка, скрывается за дверью кабинета.

Меня это не касается, но, как заколдованная, я бреду следом. Не постучавшись, захожу внутрь. Взгляд упирается в детскую коляску, оставленную у окна. Горячая, сладкая патока растекается по венам, когда я вижу красивого малыша, капризно размахивающего ручками. На вид ему всего полгода. Такой кроха, а уже с характером.

- Ваш? – спрашиваю мягким шепотом, неосознанно улыбаясь.

Мои девочки уже выросли, но я помню, какими милыми они были в этом возрасте. Как познавали мир, как искренне смеялись и как горько плакали по каждому пустяку. Порой мне было очень сложно с ними, я безумно переживала за их здоровье, сокрушалась, что им не хватает отцовской заботы,

корила себя за любую ошибку и считала плохой матерью, но если повернуть время вспять, я бы поступила точно так же – оставила и родила близняшек, несмотря ни на что. Я люблю детей. Настолько, что совершенно чужой малыш сейчас вызывает у меня теплые чувства, пробуждает материнский инстинкт.

- Нет, что вы, это сын шефа, - суется администратор, наклоняясь к ребенку. Судорожно трясет погремушкой перед его лицом, отчего тот кричит еще громче. – Тише, солнышко, тише, иначе твой отец нас всех уволит, - жалобно просит она и сама готова расплакаться.

- Папочке не мешало бы самому смотреть за своим сыном, а не оставлять его на подчиненных, - произношу ласково и с улыбкой, чтобы кроха меня не испугался.

Он затихает на секунду, с интересом рассматривая меня, и задумчиво грызет деснами сжатый кулачок. По подбородку стекают слюнки, воротник кофточки влажный и растирает шейку докрасна.

- Форс-мажор! Сегодня в центр проверка нагрянула без предупреждения, нам пришлось срочно вызвать шефа, иначе эти гады угрожали закрыть нашу, как они выразились, шарашкину контору немедленно, - сокрушается девушка. - Трясли бумагами, какими-то жалобами от родителей, требовали предоставить все документы. Но мы без начальства ничего не решаем, а он как раз с сыном у педиатра был. Сорвался сразу после приема и приехал.

- Вы же недавно открылись. Происки вредных конкурентов? – говорю все так же игриво, не разрывая зрительно-го контакта с ребенком, словно общаюсь непосредственно с ним.

Он внимательно слушает меня с серьезным выражением лица, хмурит брови, размазывает по щекам слюни и слезы, а в какой-то момент хаотично взмахивает кулачком, будто грозит нам. Невольно смеюсь от умиления. Маленький босс. Наверное, весь с отца.

- Скорее всего. Налетели коршуны, - вздыхает девушка, немного успокаиваясь. Это к лучшему, потому что ребенок чутко улавливает настроение окружающих и впитывает весь негатив, поэтому и реагирует криком. – У шефа резко дела вверх пошли, от клиентов отбоя нет. В три смены работаем. Неудивительно, ведь у нас такие льготы для мамочек, которых ни в одном центре нет. Шеф меценат, все расходы берет на себя, еще и бесплатные тренировки сам проводит. Если честно, таких хороших людей, как он, в Питере мало, а ему еще палки в колеса вставляют. Вместо того чтобы спокойно работать, он вынужден отбиваться от заказных проверок. Прямо сейчас разбирается с «гостями», - пальцем указывает в потолок. – Его кабинет четко над нами. Не дай бог он услышит, что малыш орет...

- А мы не будем больше папочке мешать, да, маленький? Мы же такие взрослые, – достав влажную салфетку из сумки, я бережно вытираю ему личико. Он чмокает губками,

пытаясь поймать мой палец. – Кажется, у нас зубки режутся, – сочувственно заключаю, аккуратно проверив его ротик. По своим близняшкам помню, какой это ад: бессонные ночи, отказ от еды и непрекращающиеся скандалы. Не завидую я его отцу. – Как нас зовут? – бросаю, не оборачиваясь.

Подушечкой указательного пальца провожу по его носику. Мальчик морщится, а потом вдруг приподнимает уголки губ. Улыбаюсь в ответ. Не хочу разрушать наш хрупкий контакт, иначе он может снова расплакаться.

- М-михаил... - заикается администратор и осекается, будто онемела.

В солнечном сплетении происходит микровзрыв, легкие охватывает жаром, дыхание перехватывает. Малыш чувствует мою панику, поджимает губки и тихонько хнычет. С трудом заставляю себя успокоиться.

Прекрати думать о нем, Настя!

- Ми-ишенька, - зову малыша с искренней нежностью, и он протягивает ко мне ладошки.

Растерявшись, не спешу брать его на руки. Медлю, потому что сама не очень люблю, когда посторонние люди трогают моих дочек, сюсюкаются с ними, нарушают их личное пространство без спроса. Но Мишка вдруг требовательно прикрикивает на меня за то, что я не слушаюсь, и я сдаюсь.

Отстегиваю ремешки на коляске, поднимаю его, трепетно прижимаю к груди, ощущая знакомое детское тепло и приятный запах молочка. Боже, какой он крохотный и легкий.

Ковыряет пальчиками пуговицы на моей блузке, тащит в рот, но я перехватываю его кулачок. Надо же, материнская реакция все еще работает, хоть этот ребенок не мой.

- Нет, не надо это есть, - заливисто смеюсь, пальцем разглаживая суровую морщинку на маленьком лобике, когда Мишка хмурится. Кого-то он мне напоминает, но не могу понять, кого... Кого-то очень близкого. — Скажите, наш папа не оставлял смесь или хотя бы бутылочку с водой? Нам бы попить, - обращаюсь к администратору, не глядя на нее.

Я всецело сосредоточена на малыше, который сминает шелковую ткань на моей груди, дергает за вырез, пытаюсь сорвать пуговицы с петель, настойчиво тычется в меня носиком. Поэтому не сразу понимаю, что мне отвечает знакомый мужской голос:

- В сумке.

На материнском автопилоте я успеваю сделать шаг к коляске, но тут же застываю на месте, растерянно прижимая к себе не своего сына. Как воровка на месте преступления.

Медленно оборачиваюсь.

На пороге, облокотившись о косяк двери, стоит Михаил, преградив своей огромной, мощной фигурой весь проем. Испепеляет меня пристальным взглядом, опускает глаза на ребенка в моих руках, смотрит на нас с необъяснимой тоской. Недоволен? Но я ведь просто хотела помочь... Судя по бледному лицу администратора, Миша давно наблюдает за нами.

Только сейчас я осознаю, что держу на руках и ласково обнимаю... ЕГО сына.

Глава 11

Михаил

Наверное, это сон... Другого объяснения моему внезапному помешательству я не нахожу.

Я просто вырубился в кабинете в разгар ожесточенных разборок, а сейчас мирно сплю и... вижу ее.

Она призрак, который преследует меня, как серийный убийца. Мечта, которой не суждено сбыться. Девушка, которую я сам себе придумал.

В этот раз ее образ совершенный, как изображение Мадонны с младенцем на груди. Все части пазла наконец-то на своих местах и гармонично собраны в идеальную картину. Даже требовательный Мишаня принимает ее, притихнув после громкого, истошного крика, отголоски которого долетали до второго этажа. Я мигом спустился, чтобы успокоить сына, но с удивлением обнаружил, что здесь прекрасно справляются без меня.

- Ми-ишенька, - льется нежный, мягкий женский голос. Родной до боли. Взрывает барабанные перепонки, врезается острым ножом в сердце, разрывает натянутые нервы. Выпотрошив меня и вывернув наизнанку, он перерастает в залихватистый смех.

Это точно сон... Поэтому я стою на месте, как каменный столб, и не рискую пошевелиться. Не дышу, чтобы не спуг-

нать. Любуюсь, чувствую, впитываю каждую секунду, пытаюсь растянуть ее в бесконечность.

Черт возьми, сейчас я особенно сильно не хочу просыпаться! Гори огнем моя реальность, если в ней нет ее... Сияющей блондинки, которая наполняет светом все, к чему прикасается.

- Нет, не надо это есть, - ласково звучит, почти нараспев, когда Мишка пытается прильнуть к небольшой, теплой груди, настойчиво дергая пальчиками пуговицы на смятой, обшлянутой блузке.

Теперь это наша общая галлюцинация, одна на двоих. Такая по-домашнему уютная, искренняя, заботливая... Мы не сможем ее забыть, хотя отпустить надо.

Эта мамочка чужая, Мишань. Не наша.

- Скажите, наш папа не оставлял смесь или хотя бы бутылочку с водой? Нам бы попить, - просит она, не поднимая глаз. Ее мягкий, добрый взгляд устремлен на ребенка.

Наш папа... Обычная фраза, брошенная как бы невзначай, записывается на подкорку. Знаю, что с этого момента она будет крутиться в моей голове, раскладывая мозг на атомы и вызывая головную боль. Еще одна деталь, которая будет мне сниться.

- В сумке, - отвечаю хрипло, мгновенно пожалев об этом. Наваждение рассеивается.

Мой призрак вздрагивает, крепче прижимает к себе сына, будто хочет защитить его. От меня. От всего мира.

Встречаемся взглядами, и я уже не могу отвести глаз от Мадонны. Как прикованный.

Есть женщины, у которых ген материнства в крови. Вшит в ДНК, течет по венам, наделяет особой красотой.

Анастасия именно такая.

- Ваш... сын... - отрывисто лепечет она, чуть дыша. Выглядит так беспомощно, будто готова расплакаться, составив достойную конкуренцию Мишане. Поглаживает его по спинке, тербит кофточку дрожащими пальцами, шумно переводит дыхание. – Теперь ясно, кого он мне напомнил. Знаете, вы очень похожи, - шепчет с оттенком светлой грусти. И вымученно улыбается, глядя на ребенка. – Копия папы.

- Михаил Янович, я все объясню, - назойливо жужжит под ухом, разрушая хрупкую идиллию.

Недовольно поморщившись, я поднимаю руку, небрежным жестом приказывая администратору заткнуться. Она – часть моей мрачной реальности, в которую я не хочу возвращаться.

Не сейчас. Хотя бы еще несколько минут до будильника. Прежде чем окончательно проснуться.

- Лена, сделай, пожалуйста, кофе гиенам наверху. Скажи, что я скоро буду, - чеканю строго, и она пулей вылетает из кабинета, прикрыв за собой дверь.

Задержав дыхание, я продолжаю рассматривать смущенную блондинку с моим сыном на руках. Она растерянно озирается, чувствуя себя преступницей, собирается вернуть

Мишаню в коляску, но он крепко впивается пальчиками в вырез, открывая декольте, а я, в свою очередь, останавливаю ее взмахом руки.

Еще чуть-чуть! Пожалуйста. Если не я, то хотя бы малыш заслужил немного тепла и заботы.

- Как вы здесь оказались, Анастасия? – уточняю спокойно, стараясь сохранять официальный тон, а тем временем в груди ураган ломает ребра.

Прохожу мимо них, застывших на месте, улавливаю цветочный запах, который будоражит рецепторы, наклоняюсь к коляске за сумкой.

- Приехала за детьми. Они занимаются в... вашем центре, - произносит она после неловкой паузы. Заторможено и удивленно. – Я не знала, что вы владелец, - добавляет тише, будто извиняется.

- Для вас это проблема? – выпаливаю, оскорбленный ее безобидной фразой. Кажется, она предпочла бы никогда меня не видеть, и это почему-то задевает. – Я очень загружен, и мы не будем пересекаться. Если только вы не решили отдать своих дочерей на самбо, - усмехаюсь.

- Нет, ни за что, - неожиданно фыркает она. – Девочка должна оставаться девочкой.

Взбалтываю молочную смесь, протягиваю Насте. Она медлит, но Мишаня мертвой хваткой цепляется за бутылку и тянет в рот, не оставляя ей выбора.

- Любой девочке не помешает умение постоять за себя, -

подхожу ближе, нависаю над ними, спрятав руки в карманы. С легкой улыбкой наблюдаю, как Настя кормит моего сына, придерживая дно бутылки. Почти не моргая, наслаждаюсь этой картиной и приглушенно говорю: - Не всегда рядом есть мужчина, который может защитить.

Слышу тихий, рваный вздох. Настя устремляет на меня наполненный грустью взгляд, пробираясь в самую душу, и я тону в ее глазах-незабудках. В сознании мелькают смутные, разрозненные кадры, соединяясь в бесформенную вязкую массу. Не могу вынырнуть, захлебываюсь в водовороте памяти, не понимая, где правда, а где игры моего большого воображения.

- Они сами выбрали бассейн, - после напряженного молчания наконец-то говорит Настя, и ее голос приводит меня в чувство.

Я делаю шаг назад. Пытаюсь избавиться от видений, от ее близости и от сладкого запаха, который проник мне под кожу. И еще полшага. Через силу. Как будто стальные канаты разрываю между нами.

- Тоже неплохо, - бросаю непринужденно. - Я распоряжусь, чтобы с вами занимались бесплатно.

- Нет, это лишнее. - Настя отрицательно качает головой, и шелковистые волосы развеваются в такт. Мишаня не упускает возможности поймать пшеничную прядь, накрутить ее на пальчики. - Я в состоянии обеспечить своих детей. Тем более, у нас льгота.

Звонко ойкнув, она наклоняет голову, когда малыш резко дергает ее за волосы. Аккуратно придерживает его кулачок своей рукой, и я опять вижу проклятое обручальное кольцо на безымянном пальце. Не имею никакого права, но хочу снять его и выбросить в окно.

Чужая мама. Чужая жена. Так почему я чувствую ее своей?

- Какая льгота? – недоуменно выгибаю бровь, взяв Настю за руку.

- Неважно.

Она отводит взгляд, неуверенно дергает кистью, но я не отпускаю. Кольцо обжигает, как кислота, а я продолжаю касаться тонких пальцев, острых костяшек, бархатной кожи, испещренной линиями жизни и судьбы. Делаю вид, что помогаю Насте освободить клочок спутанных волос из цепкой хватки моего сына, а сам запоминаю ощущения, которых никогда больше не испытаю.

Хрупкая женская ладонь и маленькая детская ручка – в моих широких лапах. Так закономерно и гармонично, что становится больно. Обручалка поблескивает в насмешку и напоминает, что все это ложь. Болезнь, которую надо лечить.

Наверное, я выгляжу психом в глазах Насти. Да и сам не чувствую себя здоровым.

Безумец, гонящийся за фантомом.

- Спасибо вам за помощь, Анастасия, - выдавливаю из себя и нехотя отпускаю ее ладонь. Замечаю, как она тут же сжи-

мается в кулак. – Почти никто не может справиться с Мишаней. В последнее время он стал очень капризным.

- У вас зубки режутся, - по-матерински трепетно обращается она то ли ко мне, то ли к сыну. Спohватившись, закусывает губу, будто позволила себе лишнее. Забылась. И поспешно исправляется: - То есть... у Миши... младшего.

- Да. Это мы уже сегодня выяснили, когда были у педиатра, - тяжело вздыхаю, потирая переносицу. Голова болит от бессонницы и хронической усталости. - Она прописала какие-то мази и грызунки.

- Правильно, но... - Настя с сочувствием смотрит на меня, а потом вдруг воодушевленно улыбается, словно внутри нее внезапно включился свет. - Мужайтесь, Михаил, зубы – это серьезное испытание сродни боевой тревоге в открытом море. Но если матросы слушались вас беспрекословно, но этот маленький командир сам будет диктовать вам условия и давать приказы.

Настя искренне смеется, Мишаня вторит ей, широко растягивает губы в улыбке и плюется молоком, а меня вдруг встряхивает так жестко, будто молнией шарахнуло.

- Подождите, Анастасия... Откуда вы знаете, что я служил на корабле?

Глава 12

- А я не только это о тебе знаю, Демин, - с вызовом выпаливает она.

Неожиданно. Как и весь ее воинственный вид.

Небесно-голубые глаза метают молнии, на дне зрачков пляшут искры, аккуратные светлые брови сдвигаются к переносице, мягкие черты лица ожесточаются. Настя смотрит на меня враждебно, будто я обидел ее чем-то, а я не понимаю, с чем связаны такие радикальные перемены.

Воздушная белая фея превращается в настоящую фурию, и только маленький Мишаня сдерживает ее от того, чтобы наброситься на меня. Примирительно выставляю ладони перед собой, а Настя поджимает губы, будто я простым жестом больно ей сделал. Однако не прекращает при этом бережно обнимать моего сына, поглаживая его по спинке.

- Анастасия, - зову удивленно, и мое искреннее недоумение злит ее еще сильнее.

«Настенька», - вертится на языке, как нечто уместное и закономерное, но я в последний момент проглатываю ласковое обращение.

«Не надо со мной сюсюкаться, как с ребенком», - звучит в ушах, как отголосок из прошлого. Каждое слово слышу так отчетливо, словно это говорит мне Настя. Но она молчит, плотно стиснув обескровленные губы. Смотрит не в глаза, а

прямо в душу, проникая в самые темные уголки.

Беру ее за плечи. Порывисто, на инстинктах. Обжигаюсь. Тут же отдергиваю руки.

Идиот!

Я сойду с ума от своих видений! Это ненормально! Еще и девушку наверняка испугал. Нападаю, как одержимый. Она не виновата, что похожа на мою галлюцинацию.

- Миша, - сипло шепчет Настя после секундной заминки. В красивых глазах поблескивают слезы.

Мое имя в ее устах почему-то вгоняет меня ступор.

- Миша, - вторит ей другой женский голос, от которого хочется отмахнуться. – Мне сказали, что ты здесь с сыночком, я готова забрать его домой...

- Ты опоздала, - цежу сквозь зубы, и моя фраза звучит двусмысленно.

Альбина замирает на пороге, схватившись за ручку распахнутой двери. Внимательно сканирует нас, задерживается на ребенке в чужих руках. Ревнует? Улыбка сползает с ее вытянутого лица, уступая место хмурой задумчивости.

- В пробке застряла, - заторможено оправдывается, кружа препарирующим взглядом по девушке рядом со мной. - Анастасия? – уточняет шокировано. - Не ожидала увидеть вас здесь, - косится на меня, пытаясь угадать, чем мы занимались. - Почему не в агентстве?

Настя вскидывает голову, и они схлестываются взглядами, как две волчицы. Некоторое время между ними идет

незримая борьба. Атмосфера в кабинете накаляется до предела, и только тихое детское агуканье разряжает обстановку.

Моя иллюзия сдается первой – аккуратно передает мне Мишаню, который сразу же начинает капризничать и тянуть к ней ручки, невесомо проводит пальцами по его щечке на прощание, а потом, расправив плечи, шагает к двери. Не оборачивается.

Поравнявшись с Алей, останавливается, чтобы холодно, деловито произнести:

- Здравствуйте, Альбина, помимо работы у меня есть семья, которой я должна уделять внимание, - машет кому-то в коридоре, и я слышу звонкий детский смех, от которого сердце сжимается в груди. Радостное «мама» долетает как контрольный выстрел. – Мне пора. Кстати, планирую вечером скинуть вам несколько вариантов оформления свадьбы. Постарайтесь быть на связи. Сроки поджимают, сами понимаете.

Аля заметно расслабляется, возвращает себе улыбку, зато у меня от напоминания о свадьбе появляется оскомина. Скорее бы уладить все формальности, чтобы Мишаня рос в полной семье. Можно было бы просто расписаться, но это слишком подозрительно. Нам не нужны лишние вопросы и внимание опеки. Пусть все думают, что у нас настоящая семья, а главное – пусть это чувствует мой сын. Я давно поставил на себе крест, но ему нужна мама, и Альбина не худший вариант.

Просто она не Настя...

Хватит!

Непослушный взгляд устремляется в коридор, пытаюсь рассмотреть ее детей, но дверь за фурией с грохотом захлопывается, разрывая тонкую нить между нами. Мишаня, как по команде, впадает в истерику.

- Тш-ш, - покачиваю его на руках. – Все хорошо, сейчас ты поедешь домой.

- Давай возьму его, - довольно лепечет Альбина, приближаясь к нам, но с каждым ее шагом крик становится все громче.

- Коляску захвати, - импульсивно отшатываюсь от нее. – Мишаню я сам в машину отнесу. Ты на такси?

- Нет, Савелий подвез, - повышает тон, пытаюсь перекрыть расстроенного малыша. - Я подумала, может, он будет тебе чем-нибудь полезен?

- Аль, у меня не настолько все хреново, чтобы потребовалась помощь бывшего ФСБ-шника, - отвечаю тоже громко.

Сын переходит на ультразвук, но меня ни капли не раздражает. Родной... Усмехаюсь, чмокая его в мокрую щеку. Права была Настя – командир растет. Уже меня строит, как какого-то салагу на корабле.

«Копия папы», - шелестит на задворках сознания.

Спотыкаюсь на ровном месте, замедляю шаг. Перед глазами - снова она, в ушах - ее голос.

Дежавю накатывает волнами. Сквозь белый шум с трудом

различаю, что говорит мне Альбина.

- Савелий в бизнес подался, так что...

- Аль, мы это уже обсуждали, - резко перебиваю ее. - Я понимаю, что он твой брат и ты хочешь его куда-нибудь пристроить, но вместе мы работать не будем. С удовольствием профинансирую любой его проект, а дальше пусть сам развивается, - качаю головой. - Этот центр – моя отдушина. Здесь не про бабки, Аль, - окидываю вдохновленным взглядом холл. – Здесь моя душа.

- Понимаю, Миш. Я совсем о другом! Просто имей в виду, что у Савелия остались связи, которыми ты в любой момент можешь воспользоваться, - заговорщически произносит она, когда мы выходим на улицу. – Не чужие же люди, - добавляет легко.

Пропускаю ее фразу мимо ушей. Все мое внимание обращено на сына. Он прищуривается от яркого солнца, затихает, давая нам короткую передышку. Я взглядом нахожу машину Савелия, сдержанно, без особых эмоций киваю, когда он выходит из салона и направляется к нам.

- Спасибо, я сам справлюсь. Но буду очень благодарен, если брат подбросит вас домой. Привет, Савва, - протягиваю ладонь для рукопожатия. – Давай автолюльку к тебе переставим.

- Без проблем, - охотно отзывается он. – Как дела?

- Нормально.

В подробности вдаваться не желаю. Я привык самостоя-

тельно решать рабочие моменты. Поэтому молча устраиваю Мишаню на заднем сиденье его автомобиля, проверяю ремни, а он всхлипывает жалобно, смотрит на меня как на предателя. Точно так же недавно смотрела на меня Настя.

Передернув плечами, чтобы сбросить наваждение, я наклоняюсь к малышу и стараюсь его немного приободрить. Общаюсь с ним серьезно, как со взрослым человеком, а он слушает внимательно, будто что-то понимает.

- Сынок, я скоро к вам приеду. Мне надо парочку надоедливых гиен в угол поставить, а потом домой. Побудь за главного.

Играючи щелкаю его по носику-кнопке. Мишаня смеется сквозь слезы, отчего и у меня появляется улыбка на лице. Он, как лучик солнца, освещает мой мрачный мир. Поцеловав его на прощание, выпрямляюсь – и так и застываю, будто мне кол в позвоночник вбили.

- Мамочка, там круто!

- Да, мы еще хотим!

Ветер приносит счастливые детские голоса, которые пробираются в душу, мгновенно поселившись там. Наполняют жизнью каждую клеточку моего тела.

Неосознанно поворачиваюсь на звук.

Настя... Снова она... И две белокурые девчушки рядом, похожие на маму.

- Хорошо, тогда для начала мы возьмем абонемент на месяц, - звонко щебечет она.

- Скорее бы научиться плавать! – воодушевленно восклицает одна малышка, прикладывая ручки к груди. Мини-Настя, такая же легкая и нежная.

- Мам, а потом на море, - командует вторая. Вызывает стойкую ассоциацию с требовательным Мишаней. – Договорились?

- Посмотрим на ваше поведение, - увиливает от ответа Настя.

Море... Дети любят море... На секунду захотелось исполнить их мечту, но...

Мысленно даю себе пощечину. У них есть отец. Скорее всего, тот мужик, что сидит за рулем. Не вижу его рожи – только бритый затылок, но заочно ненавижу.

Настя машет ему рукой, не замечая меня или делая вид, что я пустое место, улыбается, а потом помогает дочкам залезть на заднее сиденье машины. Следом туда запрыгивает какой-то мальчишка.

У них трое детей? На заставке телефона были только близняшки...

Вспышка приносит образ молодой наивной блондинки с двухлетним малышом на руках.

Нет, это племянник. Почему-то я уверен в этом.

- Валь, спасибо, что забрал нас. Заедем в магазин? Дома продукты закончились, - просит Настя, устраиваясь рядом с водителем. В груди у меня жжется.

Не хочу видеть, как она обнимет и поцелует мужа, но

смотрю на них, не моргая. Сжимаю и разжимаю кулаки. Благо, ничего подобного не происходит. Они ведут себя как старые знакомые.

Быт заел? Или счастье любит тишину?

Плевать! Мне должно быть плевать!

- Пока, Миш, - отвлекает меня Альбина, опуская стекло.

Сын снова плачет в салоне. – Мы будем ждать тебя.

- Угу, - бурчу мрачно. – Я скоро.

Два автомобиля стартуют одновременно и разъезжаются в противоположных направлениях, чтобы никогда не пересечься, а меня словно разрывает изнутри. Тоска хлещет по лицу вместе с порывом ветра.

«Я больше не одинок», - доносится из прошлого.

Звучит как насмешка.

Я вдребезги. Размазан по асфальту.

Потерян, как семь лет назад.

Глава 13

Двадцатая

Михаил

На часах шесть утра, позади – очередная бессонная ночь, организатором которой выступил мой сын. Он капризничал без остановки, делая лишь короткие перерывы на еду. Это действительно оказалось сложнее и службы на флоте, и травмы, и всех моих кошмаров вместе взятых. Если ад существует, то он разверзлся в детской комнате. Альбина не справлялась, я тоже не особо спасал ситуацию.

Беспомощность раздражала, жалобный крик рвал душу, и в какой-то момент мне остро захотелось позвонить Насте. Я представлял, как она просто возьмет на руки Мишаню, прижмет к груди, поцелует его в макушку – и он затихнет, словно заколдованный. Как случилось на днях в спортивном центре. Вряд ли бы это сработало снова, но я никак не мог выбросить устойчивую ассоциацию из головы.

Ее нежные руки, приятный голос – и благодатная тишина...

Разумеется, я так и не позвонил. Настя решила бы, что я псих, а я всего лишь хреновый отец, у которого опускаются руки.

На рассвете Мишаня уснул, но нас тут же разбудил неожиданный визит опеки. Впрочем, пора бы привыкнуть. Эти

акулы скоро поселятся в нашем доме.

- Что, уже уходите? Так быстро? – выплевываю с сарказмом спустя минут пять.

Стоило ради этого поднимать нас рано утром? Нервы на пределе, будто сама Вселенная решила меня довести до ручки.

- Да, я увидела все, что хотела, - надменно раздается в ответ. - Специально заехала перед работой, чтобы застать вас дома.

В просторной гостиной – Маргарита Андреевна собственной персоной. Горделиво расправив плечи, она направляется к двери. Подхватив сумку, оборачивается на пороге, напоследок окинув нас с Мишаней сочувственным взглядом.

Вид у нас обоих непрезентабельный. Я помятый, серый, с мешками под глазами. Едва стою на ногах и с трудом держусь, чтобы не послать ее на хрен. Сынок сонный, широко зеваает и пытается задремать у меня на руках. Надо бы оставить его в кроватке, а я не могу! Держу крепко и терпеливо жду, когда уйдет мегера из опеки, будто она может похитить ребенка. Бред, но... я инстинктивно прижимаю сына к себе.

С каждым днем я все больше боюсь его потерять. Становлюсь одержимым отцом. Мишка - все, что у меня есть в этом мире. Смысл жизни, которого я семь лет был лишен. Поэтому порву за него, убью, если потребуется. Любого, даже эту надоедливую бабу, хотя не в моих правилах обижать женщин.

- Даже чаю не попьете? – цежу со злой иронией. - И обыск не проведете?

Придушил бы Мегеру! Симпатичная, молодая, видная дама, зато характер гадский. Я не удивлен, что ее муж бросил. Впрочем, не исключено, что стервой она стала уже после развода. Сложно установить причинно-следственные связи, ведь чужая семья – потемки. Ясно лишь то, что Маргарита – наша главная проблема, и она не собирается оставлять нас в покое.

- Не обыск, а проверку бытовых условий, - безэмоционально парирует она, поправляя изящные очки на переносице. - Нет, обойдемся без этого. Я и так знаю, что у вас все нормально. Кажется, я уже запомнила планировку дома в совершенстве, каждое пятнышко на стенах и расположение полок в вашем холодильнике, - слегка улыбается одними уголками губ.

- Тогда какого черта вы постоянно приходите? – взрываюсь. – Деньги не берете. Я готов заплатить любую сумму, лишь бы не видеть больше ваше лицо.

На мой грозный рев реагирует малыш. Вздрагивает, начинает плакать. Покачиваю его, хмуро извиняюсь, будто он может меня понять, и с ненавистью испепеляю взглядом Мегеру, которая подходит к нам. Понаблюдав за ребенком, она поднимает руку, аккуратно проводит пальцем по его крохотной переносице, поглаживает размеренно. Хочу сделать шаг назад, но Мишаня затихает удивленно, а затем устало подка-

тывает глаза, засыпая.

- Не хамите, Михаил Янович, - холодно произносит эта ведьма, усыпляя моего сына. - Я не могу не отреагировать на сигнал. Это моя работа, - произносит таким тоном, будто оправдывается.

- Складывается ощущение, что, кроме нас, у вас больше нет подопечных, - приглушенно рычу, укладывая сына на локоть.

- Кто находится с ним, когда вас нет дома? Няня? – уточняет она, проигнорировав мою претензию.

Баба со стальными яйцами, но, следует признать, с детьми она ладит. Яркий тому пример – посапывающий на моих руках Мишаня.

- Миша, что там? – доносится со стороны лестницы. - Опять капризничает?

На ходу завязывая халат, по ступенькам спускается Альбина. Я отправил ее отдыхать, когда заметил, что она не выдерживает тревожной ночи, а сына забрал к себе в комнату. Сейчас она выглядит свежей и бодрой. Суется вокруг нас, тянется к Мишане, но я взглядом останавливаю ее, чтобы не разбудила. Слишком долго и тяжело он успокаивался.

- Будущая жена, - киваю на нее, как на мое единственное алиби.

- Поняла, - отступает Мегера. – Я пойду. Хорошего вам дня.

- Вашими молитвами, - выплевываю зло.

Как только за начальницей отдела опеки закрывается дверь, я выдыхаю с облегчением. Укладываю сына в кровать, оставляю его под присмотром Али, а сам быстро принимаю душ и, не позавтракав, еду в центр. Разъяренный, как бешеный бык.

Тренировка проходит в жестком ритме. На износ. Я гоняю своих пацанов по залу, как салаг по палубе. Не жалею их, забывая, что это всего лишь подростки. Отдаю приказы командным тоном, благо, хоть не матом.

- Захват! Бросок! – гаркаю что есть мочи, и уши закладывает от собственного голоса. - Антоновский, что за танцы? Ты боевое самбо с танцевальной самбой перепутал? Вальсировать будешь в другом месте. Еще раз!

Кровь стучит в висках, пульс зашкаливает, усталость и недосып сметает мощной дозой адреналина. На время становится легче, но я знаю, что потом меня ждет убийственный откат.

- На сегодня свободны! – командую за пять минут до конца тренировки.

Отпускаю выжатых, задыхающихся молодых борцов, пока не загнал их до потери сознания. Пацаны измученно бредут на выход, с трудом передвигая ногами, обливаясь потом, и эта картина больше похожа на зомбиапокалипсис, чем на рядовое занятие самбо.

- Вот это вы дали жесткача, дядь Миша, - по-свойски вы-

паливает Леша, поравнявшись со мной.

Выставляет кулак, чтобы попрощаться. Улыбается широко, еле дышит, но не обижается на меня за то, что я его при всех отчихвости́л. Все-таки мужик у Антоновского растет, не чета старшему мажорчику, который Насте угрожал в салоне.

Надеюсь, у нее нет больше проблем с этой семьей. Я почему-то постоянно возвращаюсь мыслями к ней, будто обязан заботиться, присматривать, защищать...

Помешательство какое-то!

- Я чуть не сдох, - кашляет Леша

- Тебе полезно, чемпионат скоро, - отбиваю протянутый мне кулак. – Готовься. Я в тебя верю, - произношу добрее, похлопывая младшего Антоновского по плечу.

- Так точно, - шутливо отдает честь.

В спортивном центре все в курсе моего военного прошлого. Без подробностей, просто принимают как факт, что я бывший офицер флота. Звание вызывает уважение и доверие. Многие именно поэтому направляют ко мне своих детей. Видимо, и Настя узнала об этом от администратора или других мам, а я развернул теорию заговора. Смешно.

В последние дни я отчаянно пытаюсь разграничить сны и реальность. Подготовку к свадьбе я полностью возложил на хрупкие плечи Али. Во-первых, я занят сыном и остальное мне неинтересно, а во-вторых... я боюсь пересекаться с Настей. Каждая наша встреча как ядерный взрыв. Невыносимо

сложно потом собирать себя по атомам.

У реальной блондинки из моих видений есть семья, дети. Она счастлива замужем, у ее дочек любящий отец. А мне нельзя привязываться к чужой жене накануне собственной свадьбы. Слишком много табу для меня. Все, что сохранилось от моей бывшей личности, - это правильные установки и моральные принципы. Я не могу окончательно потерять себя.

Нельзя... влюбляться.

- Псих контуженный! – ругаю сам себя и нервно собираюсь домой.

Не дойдя до раздевалки, резко разворачиваюсь. Ноги несут меня к бассейну. По расписанию, которое я лично утверждал размашистой подписью, сейчас проходит занятие у средней группы.

Застываю у панорамного стекла. Среди группы детей в купальниках я мгновенно нахожу... их. Не взглядом, а сердцем.

Два светловолосых ангела в фиолетовых гидрокостюмах с шортиками сидят на краю бортика, болтают ножками в воде и искренне смеются. На милых личиках столько счастья, что я и сам невольно улыбаюсь. Продолжаю наблюдать за близняшками, как маньяк.

Они очень похожи на маму. Две маленькие копии Насти.

Чем дольше сморю, тем сильнее давит в груди. Но не могу оторваться.

Тренер собирает своих воспитанников, ведет всех в души и раздевалку, несколько раз окликает упрямых девочек, а они не реагируют. Балуются, дерутся за полотенце, дергают друг друга за влажные, спутанные пшеничные локоны.

- Хулиганки, - усмехаюсь себе под нос.

- Михаил Янович, а я вас в спортзале искала... Надо принять инвентарь. Подпишите, - раздается за спиной.

- Я подойду позже, - не обернувшись, я отмахиваюсь от администратора. – Оставь документы в моем кабинете.

- Будет исполнено!

Под звук удаляющихся шагов я продолжаю буравить тоскливым взглядом пустеющий бассейн, не заботясь о том, как выгляжу со стороны. Сейчас для меня имеют значение лишь две белобрысые макушки, мелькающие возле воды.

Остальные детки расходятся, тренер следит за ними, как квочка за цыплятами, строго зовет непослушных близняшек. Переглянувшись хитро, они наконец-то встают. Понуриив плечи и укутавшись в полотенца, нехотя бредут следом.

Я заставляю себя уйти, но ноги будто вросли в пол. Пускаю корни, прилипаю к стеклу, не могу сдвинуться с места.

Через пару секунд девчухи возвращаются. Впереди мчится наиболее хулиганистая, а за ней торопливо топает босиком та, что похожа на принцессу, что-то говорит сестре, но слов не разобрать. Я толкаю тяжелую стеклянную дверь, заглядываю внутрь. В этот момент слуха касаются звонкие детские голоса, и меня снова парализует.

- Потеряла! – летит обреченно. – Вон там! Я достану.

Указав пальчиком на голубое дно, бандитка сбрасывает с плеч полотенце и вдруг... неуклюже шлепается в бассейн. В унисон с плеском воды раздается истошный визг ее сестры:

- Ариша! Мы же плавать еще не умеем!

Сердце обрывается, как будто это мои родные дочери. Планка падает.

Я нахожусь на противоположной стороне бассейна. Нас с детьми разделяет водная гладь. Не раздумывая, я ныряю прямо в одежде, молнией пересекаю немалое расстояние, хватаю малышку и вытаскиваю ее на поверхность.

Она не успевает испугаться. Наоборот, отбивается и вырывается.

- Пусти, дядь! Там наши жетончики! – всхлипывает мелкая, брыкаясь в моих руках и размахивая кулачками.

- Тише, бандитка. Я сам достану, - строго прикрикиваю на нее и сажаю на бортик. Сзади к близняшке подлетает ее копия, запрыгивает на спину и крепко обвивает ручками шею. Не объятия, а боевой захват.

- Правда достанешь? – кряхтит ныряльщица, пытаюсь сбросить с себя сестру, но та вцепилась крепко. – Там глубоко-о, - протягивает, округляя голубые глаза. Незабудки, как у матери.

Усмехаюсь, потому что для такого громилы, как я, детский бассейн не опаснее, чем лужа. Поворачиваю голову, всматриваюсь в прозрачную водную гладь, замечаю, как что-

то поблескивает на дне.

- Слово офицера, - бросаю по привычке.

Как по команде, обе близняшки широко улыбаются. Не понимаю, почему мой ответ их так порадовал, но пользуюсь временным затишьем, чтобы достать украшение, которое они потеряли.

Вынырнув, я вижу тренера позади девчонок.

- Михаил Янович? – удивленно вскидывает брови она. - Как?..

Как я здесь оказался? Черт меня знает!

В копилке ненормального босса еще один странный поступок. Плевать! Жестом показываю, что все под контролем, и прошу ее уйти, а сам протягиваю хулиганкам два кулака.

- В какой руке? – подмигиваю им.

Близняшки не теряются: одна указывает на правую, а вторая – на левую.

Не могу сдержать доброго смеха.

- Перехитрили. Забирайте.

Я разжимаю кулак, и улыбка слетает с лица. На моей раскрытой ладони – два одинаковых армейских жетона, скрепленных цепочкой.

- Не понял, - хмурюсь. – Вы где это взяли?

Вдоль позвоночника проносится разряд тока, виски пронзает резкой болью, а вспышки в сознании на миг дезориентируют. Близняшки вздрагивают, устремляют на меня огромные от страха глаза цвета моря, растерянно хлопают мокры-

ми ресницами.

- У папы! - хором отвечают.

И выхватывают у меня жетоны, прежде чем я успею рассмотреть цифры. Порываются сбежать, но я хватаю обеих за тонкие запястья. Задаю вопрос, который не должен меня волновать:

- А кто у нас папа?

Глава 14

Анастасия

- Нам осталось определиться с рестораном. Насколько я знаю, вы не хотите слишком пафосное и дорогое заведение, поэтому я отправила вам несколько скромных вариантов семейного типа, - чеканю, как робот, тщетно пытаюсь усмирить разрывающеес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.